ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

XXIII, 4а + Т. 12
М 703

А. МИЦКЕВИЧЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

2802
Н
С

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. Мякотина.

ДВГНБ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

Съ портретомъ Мицкевича, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

БИБЛІОТЕКА ХАБАРОВСКАГО КРАЕВОГО ГОС. МУЗЕЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЬ, СТРЕМЯННАЯ, 12.

1891

ДВ
государственная
научная библиотека

ЭР02298

Проверено
1940 г.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изд. около 100 рис. Ц. **60** к., въ папкѣ **75** к., въ пер. **1** р. **25** к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разсказы. А. Ляхидэ. Съ рисунками. Ц. **75** к., въ папкѣ—**1** р., въ переплетѣ—**1** р. **25** к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Брянчанинова, съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. **2** р., въ пап. **2** р. **50** к. въ перепл. **3** р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Съ 58 рисунк. Ц. **2** р. Въ перепл.—**2** р. **75** к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ пап. **1** р. **50** к., въ переп.—**2** р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. **1** р. **50** к., въ переплетѣ **2** р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ перепл. **2** р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разсказы. А. Ольде. 28 рис. въ папкѣ **1** р. Въ пер. **1** р. **50** к.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Азбелева. Съ 16 рис. Цѣна **20** к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. **1** р. „Объясненіе“ къ нимъ **5** к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 39 кастетами. Ц. **1** р

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего цѣлаго и пр. Сост. В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. **40** к.

ИСКРЫ БОЖЬИ. Біографическіе очерки А. Островинской. Ц. **1** р. **25** к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ. Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портр., 2-е изд. Цѣна **50** к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. **1** р. **25** к., въ пап.—**1** р. **50** к., въ переп.—**1** р. **75** к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флери. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. **75** к. [въ папкѣ **1** р. въ перепл. **1** р. **30** к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Доррить, 10) Два города. Ц. кажд. ром. **40** к. Въ папкѣ **50** к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Ворисгофера. Съ 73 рис. Ц. **2** р. Въ пап. **2** р. **25** к., въ пер. **2** р. **50** к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. **2** р., въ пап.—**2** р. **25** к., въ переп. **2** р. **75** к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Ворисгофера. Съ иллюстр. Ц. **2** р., въ папкѣ **2** р. **25** к. въ переплетѣ **2** р. **75** к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгофера. Съ иллюстрац. Ц **1** р. **50** к., въ пап. **1** р. **75** к., въ пер. **2** р. **25** к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. **2** р. Въ пер. **2** р. **50** к.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Г. Тисандье. Пер. подъ редакц. Ф. Павленкова. 353 рис. Ц. **2** р., въ переп.—**2** р. **75** к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Люкаса. Съ франц. Ц. **1** р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглова. Съ 70 р. Ц. **1** р. **25** к., въ пап. **1** р. **50** к., въ пер.—**2** р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисун. Цѣна каждой книжки по **35** к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ—**1** р. **75** к., въ переплетѣ—**2** р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. **25** к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ—**1** р. **75** к., въ переп.—**2** р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э. Кандеза. 67 рис. Ц. **2** р., въ папкѣ—**2** р. **25** к., въ переплетѣ **2** р. **50** к.

15 ІЮЛЯ 1891 г. Ф. ПАВЛЕНКОВЪ ВЫПУСТИТЪ

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА.

ЭР02298

ОГЛАВЛЕНІЕ.

[illegible]

стр.

Нѣсколько вступительныхъ словъ 5

I. **Дѣтство и юность** 7

Родители Мицкевича.—Доминиканская школа.—Необыкновенная память мальчика.—Первые стихотворные опыты.—Смерть отца.—Вступленіе арміи Наполеона въ Польшу и запавшій въ душу будущаго поэта освободительный энтузіазмъ.—Виленскій университетъ и его профессора.—„Шубравцы“ и „Филоматы“.

II. **Бродящія силы** 19

Мицкевичъ влюбляется въ Марію Верещакъ.—Планъ дидактической поэмы.—Вліяніе на Мицкевича баллады Жуковскаго „Людмила“.—Общество „Филаретовъ“.—Учительство въ Ковно.—„Лучистые“.—Смерть матери Мицкевича и свадьба „Марыли“.—Столкновеніе съ Яномъ Снядецкимъ.—Сердечныя страданія.—„Дзяды“ и „Гражина“.—Арестъ Мицкевича.

III. **Пять лѣтъ жизни Мицкевича въ Россіи** 32

Мицкевичъ въ тюрьмѣ.—Его импровизаціи.—Отправленіе въ Одессу.—Любовь къ Каролинѣ Собанской.—„Сонеты“.—Переѣздъ въ Москву.—Сближеніе Мицкевича съ русскими писателями и дружба съ Пушкинымъ.—„Конрадъ Валенродъ“.—Въ Петербургѣ.—Мицкевичъ вступаетъ въ открытую борьбу со старой школой польскихъ критиковъ.—Духовный ростъ Мицкевича за пятилѣтній періодъ его жизни въ Москвѣ и Петербургѣ.

ЭР02298

стр.

IV. **Добровольный изгнанникъ** 46

Поѣздка за границу.—Свиданіе съ Гете и взаимная неудовлетворенность обоихъ поэтовъ.—Окончательный поворотъ Мицкевича къ религіозному міросозерцанію. — Увлеченіе Генріэтой Анквичъ. — Польское возстаніе 1831 г. и вышедшая изъ него эмиграція.—Тяжелое положеніе поэта среди эмигрантовъ.—Теорія народнаго мессіанизма.—„Панъ Тадеушъ", какъ свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ мистицизма, овладѣвшаго поэтомъ.

V. **Мистическія увлеченія** 63

Женитьба Мицкевича.—Неудача его на драматическомъ поприщѣ.—Ослабленіе творческой силы.—Профессура въ Лозанской академіи.—Каѳедра славянскихъ литературъ въ Collége de France.—А. Товянскій и его мистическое ученіе.—Мицкевичъ дѣлается проповѣдникомъ товянизма.—Его удаляютъ съ профессорской каѳедры.

VI. **Послѣдніе годы** . . . . . .

Внутреннія раздоры въ сектѣ товянчиковъ.—Планъ Мицкевича привлечь на сторону товянизма императора Николая I.—Разрывъ Мицкевича съ его „учителемъ".—Революція 1848 г. и несбывшіяся надежды поэта-мистика.—„Развалина".—Недостатокъ матеріальныхъ средствъ.—Смерть жены.—Организація польскихъ легіоновъ въ Турціи.—Кончина поэта въ Константинополѣ.

ЭР02298

НѢСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Жизнь великихъ творцовъ литературы имѣетъ обыкновенно сильное вліяніе на создаваемыя ими произведенія. Поэтому вполнѣ понять и оцѣнить эти послѣднія возможно только послѣ обстоятельнаго знакомства съ событіями жизни писателя, съ тѣми условіями, среди которыхъ ему приходилось творить и дѣйствовать. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и великій польскій поэтъ нашего столѣтія — Мицкевичъ. Вліяніе окружавшей его обстановки и выработавшагося въ зависимости отъ него личнаго характера Мицкевича рѣзкими чертами отразилось на всей его поэзіи, сказываясь даже въ наиболѣе объективныхъ, повидимому, ея созданіяхъ. Но помимо этого чисто художественнаго интереса біографіи Мицкевича, въ ней заключается еще и другая, не менѣе пожалуй интересная и поучительная сторона. Онъ не стоялъ вдали отъ современнаго ему общества, какъ болѣе молодые его товарищи по пѣснѣ—Словацкій и Красинскій. Тѣ фазы развитія, черезъ которыя проходилъ Мицкевичъ, были общи многимъ его сверстникамъ и болѣе молодымъ послѣдователямъ, а вліяніе на послѣднихъ его личности и та-

ЭР02298

ланта еще усиливало это сходство. Такимъ образомъ, слѣдя за біографіей поэта, мы можемъ наблюдать одновременно и индивидуальныя черты его жизни, обусловившія собою развитіе таланта, и черты общія съ большей частью тогдашняго польскаго интеллигентнаго общества, выведшія этотъ талантъ на опредѣленную дорогу.

ДВГНБ

ЭР02298

I.

Дѣтство и юность.

Родители Мицкевича.—Доминиканская школа.—Необыкновенная память мальчика.—Первые стихотворные опыты.—Смерть отца.—Вступленіе арміи Наполеона въ Польшу и запавшій въ душу будущаго поэта освободительный энтузіазмъ. — Виленскій университетъ и его профессора.—„Шубравцы“ и „Филоматы“.

Адамъ Бернардъ Мицкевичъ, какъ названъ онъ былъ при крещеніи, происходилъ изъ мелкой, такъ называемой засцянковой шляхты. Семья эта принадлежала къ старинному литовскому роду Мицкевичей—Рымвидовъ, но никогда не отличалась особенной знатностью, а имущественное положеніе ея въ то время, съ котораго имѣются о ней болѣе подробныя свѣдѣнія, т. е. со второй половины XVIII вѣка, далеко не принадлежало къ числу блестящихъ. Лишь благодаря счастливой случайности въ жизни дѣда поэта,—женитьбѣ его на зажиточной сравнительно дѣвушкѣ, — онъ успѣлъ нѣсколько подняться надъ уровнемъ своихъ родственниковъ и дать своему сыну образованіе, котораго самъ не получилъ. Этотъ сынъ его, Николай Мицкевичъ, уже въ послѣдніе годы независимости Рѣчи Посполитой служилъ рэентомъ въ Новогрудской Военно-Гражданской Порядковой коммиссіи, со времени же паденія Польши сдѣлался адвокатомъ. Въ Новогрудкѣ онъ и женился и здѣсь же родились у него два старшіе

ЭР02298

сына, Францискъ и—24 декабря 1798 года (по старому стилю)—Адамъ, будущій поэтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія Адама, мать его вмѣстѣ съ нимъ и старшимъ его братомъ переѣхала въ лежащую недалеко отъ Новогрудка деревеньку Заосье, которая досталась ихъ семьѣ въ наслѣдство совмѣстно съ нѣкоторыми другими родственниками и завѣдываніе которой взялъ на себя Николай Мицкевичъ. Жизнь въ деревнѣ продолжалась однако недолго: уже въ 1801 году Николай Мицкевичъ перевезъ свою семью обратно въ Новогрудокъ и, передавъ имѣніе въ аренду, занялся по прежнему исключительно адвокатской практикой. Матеріальныя средства семьи были въ это время не особенно хороши, а послѣдовавшее затѣмъ увеличеніе ея тремя новыми сыновьями, изъ которыхъ одинъ, Александръ, старшій по возрасту послѣ Адама, былъ впослѣдствіи профессоромъ римскаго права въ харьковскомъ университетѣ, заставило отца еще болѣе усиленно трудиться для обезпеченія средствъ безбѣднаго существованія.

Въ этой-то, если не бѣдной, то во всякомъ случаѣ весьма простой обстановкѣ прожилъ Адамъ Мицкевичъ первые годы своего дѣтства вплоть до поступленія въ училище въ 1807 году. Равнымъ образомъ и та умственная сфера, которая окружала его въ родительскомъ домѣ, мало выходила изъ обыкновенныхъ рамокъ. Отецъ его былъ, правда, человѣкъ съ нѣкоторымъ, хотя и не особенно значительнымъ образованіемъ, любилъ литературу и даже самъ писалъ стихи, которыхъ однако никогда не печаталъ; мать же ничѣмъ не выдавалась изъ ряда обыкновенныхъ женщинъ средняго шляхетскаго круга того времени. Отличительною чертою въ ея характерѣ, передавшейся и сыну, служила наивная и непосредственная, горячая вѣра, заставлявшая ее подчасъ видѣть чудесное проявленіе Божьяго могущества въ довольно обыденныхъ событіяхъ. Такъ, случилось разъ, что мамка выронила неосторожно Адама изъ окошка; мать обратилась съ мольбою къ Остробрамской Божьей Матери

ЭР02298

и послѣдовавшее спасеніе ребенка приписала ея заступничеству. Кромѣ матери, вліяніе въ этомъ направленіи на ребенка могъ оказывать еще и одинъ изъ слугъ въ домѣ Мицкевичей, старикъ Власій, любившій повѣствовать о различныхъ фантастическихъ приключеніяхъ, бывавшихъ будто бы съ нимъ въ жизни. Разсказы эти, въ которыхъ народныя повѣрья переплетались съ личнымъ вымысломъ, сильно дѣйствовали на воображеніе малолѣтняго Адама.

Внѣ родительской семьи тихая жизнь маленькаго городка не могла давать ему особенно сильныхъ впечатлѣній, но несомнѣнно на него должна была благотворно дѣйствовать близость природы и живописность ея въ этой мѣстности. Лѣтомъ онъ часто бывалъ въ близкихъ къ Новогрудку деревняхъ у знакомыхъ отца, игралъ и бѣгалъ съ своими сверстниками, и красоты природы, пока еще конечно безсознательно, западали ему въ душу.

Эта простота окружающей обстановки, давая возможность безпрепятственнаго развитія умственныхъ силъ, не способствовала однако слишкомъ раннему созрѣванію ихъ, и дѣйствительно, по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣются о Мицкевичѣ за этотъ періодъ его жизни (если не считать нѣкоторыхъ сообщеній, явно дополненныхъ фантазіей ихъ авторовъ), онъ представляется мальчикомъ умнымъ, но далеко не обнаруживающимъ геніальныхъ способностей, слабымъ по здоровью, тихимъ и скромнымъ.

Вліяніе литературныхъ занятій отца сказалось въ томъ, что Адамъ уже въ это время пытался самъ писать стихи. Изъ этихъ первыхъ опытовъ ничего не сохранилось, но, насколько можно судить по слѣдующимъ, навряд ли они принадлежали къ числу сколько-нибудь удачныхъ, и все вѣроятно сводилось пока только къ подражанію отцу.

Мало новыхъ чертъ сказалось въ характерѣ и жизни Адама и за время пребыванія его въ школѣ, въ которую онъ поступилъ осенью 1807 года

ЭР02298

и изъ которой вышелъ, окончивъ курсъ, въ 1815 году. Школа эта, какъ и большинство тогдашнихъ школъ въ Литвѣ, находилась въ завѣдываніи монаховъ, и именно ордена доминиканцевъ. Подъ вліяніемъ тогдашняго ректора виленскаго университета, Яна Снядецкаго, образованнаго и энергическаго человѣка, имѣвшаго по своей должности верховный надзоръ надъ всѣми средними учебными заведеніями округа, содержимыя монахами училища начинали понемногу измѣнять прежніе рутинные пріемы преподаванія, внося въ свою программу новыя требованія и приглашая болѣе знающихъ и опытныхъ учителей изъ среды людей свѣтскихъ. Въ то время однако, когда Адамъ Мицкевичъ поступалъ въ училище, эта реформа только что начиналась и ни въ составѣ учителей, ни въ предметахъ и способѣ преподаванія не произошло еще особенно ощутительныхъ измѣненій. Среди тѣхъ лицъ, у которыхъ учился Мицкевичъ, не было ни одного окончившаго университетъ. Самое училище носило названіе уѣзднаго и состояло изъ шести классовъ, въ которыхъ, сверхъ предписанныхъ программой предметовъ—латинско-польской грамматики, ариѳметики, географіи, физики, геометріи, латинскаго языка, Закона Божія, русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ и рисованія,—преподавались еще исторія, право и логика. Ученье будущаго поэта шло не безъ препятствій.

Природныя способности и въ особенности необыкновенная память, дававшая ему возможность запомнить разъ прослушанное, не говоря уже о прочитанномъ, сильно облегчали ему усвоеніе новыхъ свѣдѣній, но съ другой стороны слабое здоровье, да вѣроятно и непривычка къ школьной дисциплинѣ и усидчивому труду явились помѣхами въ безпрепятственномъ прохожденіи курса и произвели то, что въ двухъ изъ шести классовъ Мицкевичъ просидѣлъ по два года. Въ общемъ ученье шло у него однако хорошо и онъ считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ, хотя степени перваго

ЭР02298

достигалъ рѣдко и недолго удерживался на ней. Уже въ это время у мальчика явились другіе интересы, не имѣвшіе ничего общаго съ сухимъ школьнымъ преподаваніемъ: онъ пристрастился къ чтенію, особенно романовъ, и часто проводилъ за ними цѣлые вечера, въ то время какъ старшій братъ его, одновременно съ нимъ поступившій въ училище, приготовлялъ уроки. Лишь ложась спать, Адамъ просилъ обыкновенно брата прочесть ему разъ вслухъ заданное на другой день и этого было ему достаточно для того, чтобы запомнить главное въ урокахъ.

Чтеніе романовъ и поэтическихъ произведеній сильно дѣйствовало на воображеніе мальчика, такъ что у него проявлялось стремленіе воплотить въ жизни излюбленныя сцены. Не разъ онъ разыгрывалъ эти сцены съ товарищами въ окрестностяхъ Новогрудка, представляя изъ себя то Яна Собѣскаго, то какого-нибудь другого героя. Вліяніе этого чтенія сказалось еще и въ другомъ отношеніи, побуждая Адама продолжать начатые еще въ родительскомъ домѣ стихотворные опыты. Онъ писалъ басни, различныя мелкія стихотворенія, задумывалъ даже переложить стихами цѣлый романъ Флоріана: „Нума Помпилій“, но отъ всѣхъ этихъ попытокъ сохранились лишь ничтожные отрывки, подчасъ съ удачнымъ стихомъ, но далеко еще не свидѣтельствующіе о сильномъ талантѣ.

Между тѣмъ за время школьной жизни Адама Мицкевича произошли два событія, получившія большое значеніе въ развитіи юноши. Первымъ изъ нихъ была смерть его отца, послѣдовавшая въ маѣ 1812 года и заставившая его рано заботиться о посильной помощи осиротѣвшей семьѣ. Второе изъ этихъ событій имѣло болѣе общій характеръ—это было начало войны 12-го года между Россіей и Наполеономъ и вступленіе войскъ послѣдняго, среди которыхъ находились и польскіе отряды, въ Литву. Обѣщанія со стороны Наполеона возстановить Польшу увлекли за нимъ сердца большинства поляковъ

ЭР02298

и лишь незначительная часть продолжала возлагать свои надежды на императора Александра. Общій энтузіазмъ къ французамъ проникъ и въ Новогрудокъ и выразился съ полною силою при проходѣ чрезъ него нѣсколькихъ корпусовъ арміи Наполеона подъ начальствомъ Іеронима Бонапарте, короля вестфальскаго. Домъ Мицкевичей былъ назначенъ подъ королевскую квартиру; хозяева конечно должны были удалиться, но 14-лѣтній Адамъ, спрятавшись за заборомъ, ожидалъ прибытія короля и успѣлъ его увидѣть. Эта блестящая картина французскаго войска, въ связи съ восторженными разсказами солдатъ о Наполеонѣ, какъ о какомъ то полубогѣ, и съ всеобщимъ ожиданіемъ земляковъ возвращенія независимости родной страны отъ этого чудодѣйственнаго вождя, навѣки запечатлѣлась въ душѣ мальчика и, способствуя раннему пробужденію въ немъ патріотическаго чувства, въ то же время положила первое основаніе того культа Наполеона, который онъ исповѣдывалъ впослѣдствіи. Много лѣтъ спустя Мицкевичъ поэтически воспроизвелъ свои тогдашнія впечатлѣнія въ „Панѣ Тадеушѣ“:

„Годъ приснопамятный, великій и единый,
Останешься въ Литвѣ священной ты годиной!
Ты, урожайная красавица-весна,
Вѣкъ будешь сниться намъ, обильна и красна
Густыми злаками и воиновъ одеждой,
Громами славныхъ битвъ и ясною надеждой.
Досель, переносясь въ минувшіе года,
Тебя, какъ сладкій сонъ, я вижу иногда
И, скорбію повитъ, лью слезы и тоскую:
Увы! я въ жизни зналъ одну весну такую!..“

Въ 1815 году Адамъ Мицкевичъ окончилъ курсъ въ училищѣ доминикановъ. Въ это время одинъ изъ далекихъ родственниковъ ихъ семьи, ксендзъ Іосифъ Мицкевичъ, былъ деканомъ физико-математическаго

ЭР02298

факультета виленскаго университета. Онъ предложилъ матери Адама помѣстить его въ университетъ, обѣщаясь съ своей стороны устроить его тамъ на казенный счетъ. При виленскомъ университетѣ существовали тогда стипендіи, предназначавшіяся для студентовъ, готовившихъ себя въ учителя, и опредѣлявшіяся по конкурсному экзамену. Такую стипендію и имѣлъ въ виду деканъ для своего родственника. Дѣйствительно, Мицкевичъ успѣшно выдержалъ экзаменъ и получилъ стипендію. Вторымъ соискателемъ ея явился молодой человѣкъ, который также поступалъ въ этомъ году въ университетъ и позднѣе сталъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Мицкевича,—Ѳома Занъ. На экзаменѣ они впервые познакомились и неудача Зана не помѣшала ихъ сближенію, становившемуся чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе. Поступая въ университетъ, молодой Мицкевичъ еще не выяснилъ себѣ окончательно, какія отрасли наукъ привлекаютъ его къ себѣ. Онъ избралъ было, можетъ быть подъ вліяніемъ родственника, физико-математическій факультетъ, но пробылъ на немъ недолго, не болѣе полугода, и перешелъ на историко-филологическій, болѣе соотвѣтствовавшій его склонностямъ.

Это время было какъ разъ періодомъ наибольшаго процвѣтанія виленскаго университета, успѣвшаго подъ управленіемъ Снядецкаго собрать вокругъ себя лучшія мѣстныя научныя силы. Самъ Снядецкій, правда, уже болѣе не занималъ поста ректора, но вліяніе его управленія было сильно въ профессорской средѣ. Подобно ему, большинство наиболѣе уважаемыхъ профессоровъ было поклонниками философіи XVIII вѣка, воззрѣнія которой они проводили въ жизнь и съ каѳедры, и частью въ литературѣ. Начинавшаяся уже въ обществѣ реакція мало еще успѣла проникнуть за университетскія стѣны, и лишь немногіе, да и то наименѣе пользовавшіеся уваженіемъ профессора были ея представителями.

ЭР02298

Изъ профессоровъ филологовъ, которыхъ началъ слушать Мицкевичъ со второго полугодія своего пребыванія въ университетѣ, наиболѣе выдающеюся фигурой былъ Готфридъ Эрнестъ Гроддекъ, соединявшій съ глубокимъ знаніемъ своего предмета — греческаго и латинскаго языковъ и литературы — горячую любовь къ нему, невольно, какъ всегда, передававшуюся слушателямъ и заставлявшую ихъ забывать всѣ внѣшніе недостатки его изложенія. Сторонникъ новой еще тогда въ наукѣ теоріи Вольфа о происхожденіи Иліады, онъ передавалъ студентамъ классическую филологію въ освѣщеніи взглядовъ нѣмецкаго ученаго и сообщалъ имъ немало цѣнныхъ свѣдѣній, пріохочивая къ занятіямъ древней литературой. По своимъ убѣжденіямъ онъ былъ либералъ и носилъ даже званіе мастера франкъ-массонской ложи въ Вильнѣ.

Кромѣ Гроддека, были на факультетѣ и другіе талантливые профессора, какъ напримѣръ Боровскій, читавшій польскую литературу и руководившій письменными упражненіями студентовъ. Ему Мицкевичъ, по собственному признанію, былъ обязанъ чистотою и строгостью своего стиля.

Но головою выше всѣхъ другихъ, какъ по глубокимъ научнымъ знаніямъ и умѣнью передавать ихъ, такъ и по любви къ нему студентовъ, стоялъ молодой лекторъ всеобщей исторіи, Іоахимъ Лелевель. Какъ историкъ, онъ выдавался не только своими богатыми и разнообразными свѣдѣніями, соединявшимися у него съ горячею, доходившею до энтузіазма любовью къ занятіямъ своимъ предметомъ, но и тѣми новыми взглядами, которые онъ вносилъ въ его изложеніе. Высоко цѣня національное начало, молодой еще тогда ученый видѣлъ главную задачу всякаго народа въ строгомъ выполненій и осуществленіи въ жизни издревле заложенныхъ въ него самостоятельныхъ принциповъ и съ этой точки зрѣнія подвергалъ строгой критикѣ всякое заимствованіе извнѣ, не усма-

ЭР02298

тривая и во вліяніи сохранявшей еще тогда свое значеніе французской философіи XVIII вѣка особой пользы для Польши, въ которой она будто-бы только способствовала съуженію національныхъ идеаловъ развитія. Такое обращеніе къ народности, стоявшее въ рѣзкой противоположности съ общимъ направленіемъ профессоровъ виленскаго университета, было однако въ духѣ времени, когда вслѣдъ за увлеченіемъ преобразовательными теоріями, подчасъ слишкомъ отвлеченными, въ обществѣ начинался поворотъ въ другую сторону, къ своему народному, въ свою очередь не лишенный крайностей. Этихъ крайностей не былъ чуждъ и Лелевель, но конечно молодежь, посѣщавшая его лекціи, не могла отнестись къ нимъ съ достаточной критикой. Какъ бы то ни было, эта талантливость изложенія и новизна взглядовъ молодого историка побуждали студентовъ посѣщать его курсъ усерднѣе всѣхъ другихъ и оказывали сильное и во многомъ благотворное вліяніе на впечатлительные юные умы.

Таковы были тѣ главныя научныя силы и тѣ вліянія, съ которыми столкнулся Мицкевичъ уже въ первое время своего пребыванія въ университетѣ. Конечно онъ, получившій первоначальное воспитаніе въ маленькомъ городкѣ, въ училищѣ, не особенно высоко стоявшемъ по своему уровню, не могъ сразу освоиться съ этими вліяніями и сперва лишь пассивно воспринималъ представлявшіяся впечатлѣнія. Къ тому же ему предстояло позаботиться о восполненіи нѣкоторыхъ пробѣловъ своего образованія, и главнымъ образомъ объ изученіи греческаго языка, который не преподавался въ Новогрудскомъ училищѣ, но былъ необходимъ въ университетѣ. Тѣмъ болѣе времени должны были отнимать у Мицкевича эти занятія, что онъ, въ качествѣ кандидата на учительское званіе, получавшаго казенную стипендію, былъ обязанъ каждое полугодіе сдавать особый экзаменъ.

Понятно поэтому, что въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ

ЭР02298

своего университетскаго курса Мицкевичъ ничѣмъ еще не заявилъ себя въ студенческой средѣ. Въ этой послѣдней къ тому же господствовало полное разъединеніе: студенты жили, мало знакомясь и сообщаясь другъ съ другомъ, и немногочисленные существовавшіе у нихъ кружки составлялись главнымъ образомъ изъ окончившихъ одно и то же среднее учебное заведеніе. А между тѣмъ примѣръ старшаго поколѣнія указывалъ молодежи всѣ преимущества соединенія лицъ, стремящихся къ достиженію общихъ цѣлей въ одно цѣлое. Не говоря уже о существованіи въ Вильнѣ масонскихъ ложъ, съ 1818 года было основано здѣсь адъюнктомъ, секретаремъ и библіотекаремъ виленскаго университета, Казиміромъ Контримомъ, общество „шубравцевъ“ (проказниковъ), поставившее своей задачей исправленіе общественныхъ пороковъ и распространеніе просвѣщенія. Это общество вскорѣ сгруппировало вокругъ себя наиболѣе образованныхъ, просвѣщенныхъ и либеральныхъ людей тогдашней Вильны, въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ профессоровъ университета, и съ помощью издававшагося имъ сатирическаго журнала: „Вѣдомости съ мостовой“ (Wiadomosci Brukowe) пріобрѣло значительный успѣхъ и немалое вліяніе на общественное мнѣніе. Засѣданія его были обставлены, согласно тогдашней модѣ, нѣсколько торжественнымъ церемоніаломъ: въ обществѣ существовали свои сановники, президентъ, ораторъ, стражникъ, постукиваніемъ лопаты приводившій къ порядку несвоевременно заговорившаго члена, секретарь и редакторъ; принятіе новыхъ членовъ сопровождалось цѣлымъ рядомъ формальностей. Эти подробности, равно какъ и литературныя занятія членовъ сближаютъ польское „Общество Шубравцевъ“ съ нашимъ „Арзамасомъ“.

Весьма вѣроятно, что именно образованіе и успѣхъ этого общества навѣяли нѣкоторымъ изъ студентовъ мысль о пользѣ подобной же организаціи въ ихъ собственной средѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ со-

ЭР02298

ставленія общества Шубравцевъ, въ началѣ третьяго учебнаго года Мицкевича въ университетѣ, имъ и еще пятью товарищами его былъ основанъ студенческій кружокъ, получившій названіе „филоматовъ". Названіе это не было новостью, такъ какъ уже въ 1808 году существовало въ Вильнѣ прекратившееся затѣмъ общество подъ этимъ именемъ, самая же мысль возобновленія этой организаціи принадлежала тому Ѳомѣ Зану, съ которымъ мы уже познакомились выше. Онъ успѣлъ убѣдить нѣсколькихъ товарищей, изъ которыхъ, кромѣ Мицкевича, особенно выдавались Янъ Чечоттъ, впослѣдствіи извѣстный собиратель бѣлорусскихъ пѣсенъ, и Іосифъ Ежовскій, соединиться для совмѣстныхъ занятій. Мицкевичъ и здѣсь вначалѣ не принималъ серьезной иниціативы, но вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ кружка филоматовъ. Цѣлью этого кружка было умственное и нравственное развитіе, средствами же для достиженія этой цѣли должны были служить тѣсное общеніе другъ съ другомъ его членовъ и совмѣстныя занятія на поприщѣ литературы. На каждое засѣданіе члены по очереди обязывались приносить свои произведенія, которыя здѣсь прочитывались и обсуждались. Политическіе вопросы совсѣмъ не входили въ программу кружка и это было тѣмъ естественнѣе, что и все тогдашнее польское общество, вполнѣ возлагая надежду на императора Александра, чуждалось политической пропаганды. Однако филоматы не заявили о существованіи своего кружка ректору университета Малевскому, какъ этого требовали изданныя послѣднимъ правила. Боялись ли они, что существованіе общества не будетъ дозволено, или же думали, что ихъ слишкомъ мало, чтобы ихъ можно было считать за таковое,—какъ бы то ни было, кружокъ этотъ остался негласнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальные основатели его, опасаясь за поставленныя ими высокія цѣли, не желали слишкомъ быстраго расширенія своего общества и принимали въ него только такихъ сту-

ЭР02298

дентовъ, въ которыхъ они были вполнѣ увѣрены, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ число ихъ увеличилось только до 14-ти. Въ виду своихъ скромныхъ размѣровъ общество филоматовъ и не могло конечно вліять на всю массу студентовъ, но зато тѣмъ съ большею силою сказывалось благотворное вліяніе организаціи внутри ея самой. Чтеніе и обсужденіе литературныхъ произведеній заставляли участниковъ собраній заботиться о выработкѣ ясности и чистоты своего языка, постоянный обмѣнъ мыслей пробуждалъ въ нихъ критическое чувство, общеніе на умственной почвѣ влекло за собою сильный умственный и нравственный подъемъ,—и изъ этого студенческаго общества, какъ изо всѣхъ почти ему подобныхъ, вышло не мало людей, пріобрѣвшихъ себѣ впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ научныхъ и общественныхъ дѣятелей. Занятія литературой пріобрѣтали для членовъ кружка тѣмъ большій интересъ, что какъ разъ около этого времени стали проникать въ польскую журналистику произведенія нѣмецкихъ романтиковъ, вызвавшія сильное негодованіе поклонниковъ классицизма, но привлекавшія къ себѣ молодежь своею смѣлостью, новизной, свѣжимъ, непосредственнымъ чувствомъ и наконецъ возвращеніемъ къ истинной, какъ тогда казалось, національности. Мы видѣли, что для этого послѣдняго почва среди виленскихъ студентовъ была нѣсколько подготовлена уже лекціями Лелевеля. Мицкевичъ въ теченіе этого года, не ограничиваясь участіемъ въ засѣданіяхъ филоматовъ, писалъ еще сочиненіе на данную университетомъ для конкурса тему, но сочиненіе его не было удостоено награды.

ЭР02298

II.

Бродящія силы.

Мицкевичъ влюбляется въ Марію Верещакъ.—Планъ дидактической поэмы.—Вліяніе на Мицкевича баллады Жуковскаго „Людмила“.—Общество „Филаретовъ“.—Учительство въ Ковно.—„Лучистые“.—Смерть матери Мицкевича и свадьба „Марыли“.—Столкновеніе съ Яномъ Снядецкимъ.—Сердечныя страданія.—„Дзяды“ и „Гражина“.—Арестъ Мицкевича.

Мицкевичу оставался одинъ годъ до окончанія курса въ университетѣ, когда, лѣтомъ 1818 года, онъ на вакаціяхъ въ деревнѣ познакомился съ дѣвушкой, впервые приковавшей къ себѣ его сердце и вслѣдъ затѣмъ надолго ставшей предметомъ его пѣсенъ. Это была 18-ти лѣтняя Марія Верещакъ, красивая блондинка, дочь богатой вдовы маршалка Верещакъ, жившей неподалеку отъ Заосья. Въ то время, когда съ нею познакомился Мицкевичъ, она была уже невѣстою молодого и зажиточнаго помѣщика той же мѣстности, Путткамера. Это не помѣшало молодому студенту влюбиться въ нее чуть не съ перваго взгляда, не помѣшало и ей, если не поощрять, то и не отвергать его ухаживанія, хотя сердце ея при этомъ оставалось совершенно спокойно. Дочь богатыхъ родителей, получившая хорошее по своему времени воспитаніе, начитанная въ сентиментальной и идиллической поэзіи, она не прочь была поиграть въ любовь, не видя въ этомъ никакой для себя опасности. Между тѣмъ именно эта сентиментальность

ЭР02298

и придавала ей въ глазахъ Мицкевича особое очарованіе.

Подъ впечатлѣніемъ этого новаго для него чувства вернулся онъ осенью въ Вильну, и несомнѣнно чувство это должно было оказать свою долю вліянія на возобновленіе имъ начатой еще въ Новогрудкѣ поэтической дѣятельности. Впрочемъ къ этому времени всѣ почти его ближайшіе пріятели-филоматы писали стихи, а нѣкоторые даже и печатали ихъ. Общему увлеченію не остался чуждъ и Мицкевичъ. Онъ написалъ въ томъ же году два стихотворенія: „Пѣснь филоматовъ“ и „Городская зима“, изъ которыхъ второе было напечатано въ „Tygodniku Wileńskim“. Въ стихотвореніяхъ этихъ поэтъ еще строго придерживается классической манеры. Вліяніе классицизма сказалось и въ замыслѣ большой дидактической поэмы „Картофель“, которая должна была состоять изъ двухъ частей: героической, въ которой изображалось бы открытіе и покореніе Америки, и собственно дидактической, имѣвшей предметомъ исчисленіе выгодъ, происшедшихъ для человѣчества отъ открытія картофеля.

Но въ то время, какъ Мицкевичъ задумывалъ подобные планы, въ кружкѣ филоматовъ продолжались занятія надъ нѣмецкой романтической литературой, заставившія вскорѣ поэта свернуть на другой путь. Окончательный толчокъ въ этомъ направленіи былъ данъ знакомствомъ съ балладой Жуковскаго „Людмила“, представляющей передѣлку „Леноры“ Бюргера. Однажды сынъ профессора русскаго языка, Чернявскаго, съ восторгомъ прочиталъ Мицкевичу и нѣкоторымъ изъ его товарищей „Людмилу“. Энтузіазмъ передался и его слушателямъ до такой степени, что изъ нихъ Занъ, а затѣмъ и Мицкевичъ въ свою очередь написали баллады въ подражаніе „Ленорѣ“. Съ этихъ поръ поворотъ въ направленіи поэтическаго творчества Мицкевича былъ рѣшенъ.

Между тѣмъ близилось уже время окончанія уни-

ЭР02298

верситетскаго курса. Но прежде чѣмъ Мицкевичъ и его товарищи оставили университетъ, они рѣшились упрочить связь между собою и остававшимся еще на студенческихъ скамьяхъ болѣе молодымъ поколѣніемъ основаніемъ новаго общества въ средѣ университетской молодежи. Общество это, первая мысль объ учрежденіи котораго принадлежала Зану, получило имя „филаретовъ“ (друзей добродѣтели); основная цѣль его дѣятельности заключалась въ томъ, чтобы подготовить своихъ членовъ къ вступленію въ кружокъ филоматовъ. Понятно поэтому, что сходство обѣихъ организацій было весьма значительно—взаимная помощь въ жизни и совмѣстныя научныя занятія стояли на первомъ планѣ у филаретовъ, какъ и у филоматовъ, на собраніяхъ филаретовъ также читались рефераты, по большей части литературнаго содержанія. Въ это время чисто-литературные интересы вообще играли первенствующую роль въ средѣ виленскихъ студентовъ. Общественная жизнь не была настолько развита и жива, чтобы увлечь молодежь, вопросы политическіе еще не выступали на сцену, а между тѣмъ въ литературной сферѣ начинался переломъ, возникала уже борьба двухъ направленій и приковывала къ себѣ вниманіе молодыхъ умовъ. Въ будущемъ эта борьба исключительно, казалось бы, литературныхъ направленій должна была оказать весьма серьезное вліяніе и на рѣшеніе вопросовъ совсѣмъ иного порядка, но въ ту эпоху мало кто предвидѣлъ эти далекія послѣдствія, и поэзія Шиллера и Гете привлекала къ себѣ польскую молодежь не своимъ общественнымъ значеніемъ, а новизной и свѣжестью своихъ художественныхъ идеаловъ.

При такомъ настроеніи Мицкевичъ, поэтическое дарованіе котораго пріобрѣло уже почетную извѣстность среди его товарищей, сразу занялъ выдающееся положеніе въ обществѣ филаретовъ и сдѣлался излюбленнымъ представителемъ его стремленій. Самыя собранія филаретовъ происходили по отдѣльнымъ кружкамъ, соотвѣт-

ЭР02298

ствовавшимъ спеціальности студентовъ по факультетамъ, но кружки эти могли сообщаться одинъ съ другимъ чрезъ посредство выборныхъ делегатовъ или отдѣльныхъ своихъ членовъ, иногда же соединялись всѣ вмѣстѣ въ общихъ загородныхъ прогулкахъ, на которыхъ пѣлись пѣсни, спеціально для этого сочинявшіяся Мицкевичемъ, Заномъ и другими. Это общество сильно повліяло на распространеніе новыхъ понятій въ студенческой средѣ; но тотъ изъ его членовъ, кому вскорѣ суждено было сдѣлаться самымъ крупнымъ представителемъ новаго направленія въ польской литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ временно, самымъ ревностнымъ борцомъ за него, теперь долженъ былъ оставить товарищескій кругъ. Весною 1819 года Мицкевичъ сдалъ въ университетѣ экзаменъ на магистра и вслѣдъ затѣмъ, въ качествѣ казеннаго стипендіата, долженъ былъ ожидать назначенія на учительскую должность. Оно не заставило себя ждать, и послѣ лѣта, проведеннаго частью дома, частью у Верещаковъ, Мицкевичъ получилъ отъ совѣта университета приказаніе отправиться въ Ковно и занять въ тамошней гимназіи мѣсто преподавателя литературы.

Къ этому времени, когда молодой поэтъ покинулъ университетскую скамью и долженъ былъ начинать самостоятельную жизнь, характеръ его и взгляды уже въ значительной степени установились, не смотря на его молодость (ему было тогда 21 годъ). Отъ природы не расположенный къ излишнему обнаруженію своихъ чувствъ, но въ то же время одаренный сильною впечатлительностью, онъ съ годами еще болѣе развилъ въ себѣ способность сдерживать свои порывы. Но эта сдержанность, это отсутствіе выхода для чувства лишь увеличивали его силу и пылкость. Бывали минуты, когда привычка къ самообладанію не помогала, когда чувство, не смотря на сопротивленіе, пробивалось наружу, съ тѣмъ большею силой, чѣмъ дольше оно скрывалось, и тогда, смотря по поводу, вызвав-

ЭР02298

шему эту вспышку, поэтъ чувствовалъ себя на верху блаженства, впадая въ вдохновенный экстазъ, или же испытывалъ глубокое отчаяніе. Такому развитію элемента чувства должны были въ значительной мѣрѣ содѣйствовать и тѣ нѣмецкія романтическія произведенія, которыми зачитывался Мицкевичъ въ это время и гдѣ чувство въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ стояло на первомъ планѣ, заслоняя собою, если не подавляя, разсудочную дѣятельность. Самый характеръ поэта такимъ образомъ соотвѣтствовалъ тѣмъ впечатлѣніямъ, какія онъ извлекалъ изъ знакомства съ романтической литературой. Если же мы обратимся къ другимъ сторонамъ вліянія послѣдней, то увидимъ, что и здѣсь почва для воздѣйствія ея на Мицкевича въ значительной степени была уже подготовлена. Религіозность, составлявшая такой существенный элементъ въ поэзіи первыхъ романтиковъ, была развита въ немъ уже съ ранняго дѣтства, и развита крайне сильно. Это заставляло его нѣсколько враждебно относиться къ философіи 18-го вѣка, отрицавшей возможность какого бы то ни было сверхъестественнаго вмѣшательства въ человѣческую жизнь.

Былъ сверхъ того и еще одинъ пунктъ, на которомъ взгляды Мицкевича расходились съ ученіемъ французскихъ философовъ, приближаясь къ проповѣди романтиковъ,—и этимъ пунктомъ было отношеніе къ народности. Воззрѣнія Лелевеля крѣпко привились въ душѣ молодого энтузіаста и онъ жадно ухватился за мысль, что осуществленіе народныхъ идеаловъ, издавна заложенныхъ въ національности и представляющихъ собою высшее совершенство, должно служить задачей не только жизни, но и поэзіи. Это требованіе народности въ литературѣ было совершенно почти чуждо для польскаго общества того времени, воспитаннаго на французскихъ образцахъ. Лишь въ наиболѣе молодой его части высказывались порою подобныя пожеланія, да и то робко и неувѣренно. Но, кладя въ основаніе поэзіи идею на-

ЭР02298

родности, Мицкевичъ не ограничивался этимъ и, опять таки въ строгомъ согласіи съ духомъ, господствовавшимъ тогда среди наиболѣе развитой части университетской молодежи, и въ особенности среди филоматовъ, требовалъ отъ поэтическихъ произведеній непосредственнаго нравственнаго вліянія на жизнь. Уже въ этотъ ранній періодъ его жизни поэзія представлялась ему вещью почти столь же священною, какъ религія, сестрою послѣдней. Правда, этотъ взглядъ о необходимости прямого воздѣйствія поэзіи на жизнь не вполнѣ еще развился и выработался, но этого и не могло быть, пока самъ поэтъ вращался въ тѣсномъ кругу чисто личныхъ отношеній.

Переѣхавъ въ Ковно, Мицкевичъ въ первое время ревностно отдался исполненію своихъ учительскихъ обязанностей, поглощавшихъ у него немало времени и труда. Такъ прошелъ первый годъ его учительства, въ теченіе котораго онъ продолжалъ однако постоянно поддерживать отношенія съ кружкомъ виленскихъ пріятелей, повременамъ пріѣзжая и самъ въ Вильну. Тѣмъ временемъ вліяніе филаретовъ въ студенческой средѣ все росло и руководители этого общества рѣшились основать новое, которое было бы уже совершенно явнымъ. Въ маѣ 1820 года ректоръ университета далъ свое согласіе на учрежденіе „Общества полезнаго удовольствія“ и утвердилъ его уставъ, согласно которому главными цѣлями общества выставлялись нравственное и умственное усовершенствованіе его членовъ. Вскорѣ значительное количество студентовъ записалось въ это общество, получившее у нихъ названіе „Лучистыхъ“ (Promienistych). Большее количество привлеченныхъ къ участію молодыхъ силъ дало возможность болѣе расширить и кругъ дѣйствій: въ средѣ „Лучистыхъ“ старшіе члены читали желающимъ родъ лекцій по исторіи литературы, причемъ, въ силу ясно уже обозначившагося направленія университетской молодежи, главное вниманіе обращалось не на французскую ли-

ЭР02298

тературу, псевдо-классическія произведенія которой выставлялись большинствомъ профессоровъ какъ образцовыя, а на новыхъ нѣмецкихъ и англійскихъ авторовъ. Членами общества часто устраивались совмѣстныя загородныя прогулки, или, какъ онѣ назывались у польскихъ студентовъ, „маювки“. Наряду съ этимъ явнымъ обществомъ продолжала существовать, однако по прежнему негласно, и организація филаретовъ и филоматовъ, которые въ сущности и были душою этого объединенія студентовъ. Въ собраніяхъ „Лучистыхъ“ принималъ нерѣдко участіе и Мицкевичъ, когда дозволяла ему это служба.

Не только въ средѣ близкихъ его товарищей, но между молодыми студентами, успѣвшими познакомиться съ остававшимися еще въ рукописи его новыми произведеніями, все болѣе назрѣвало убѣжденіе, что изъ него долженъ выработаться великій поэтъ. И дѣйствительно пребываніе въ Ковнѣ было однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ по количеству поэтическихъ произведеній періодовъ въ жизни Мицкевича: баллады писались имъ одна за другою. Но уже второй годъ этого пребыванія, не менѣе перваго богатый въ поэтическомъ отношеніи, принесъ ему въ дѣйствительной жизни рядъ тяжелыхъ огорченій и утратъ. Начались они съ того, что подъ конецъ лѣта 1820 года Мицкевичъ сильно заболѣлъ въ Вильнѣ и не могъ отправиться во время въ Ковно. Это навлекло на него строгій, хотя и незаслуженный выговоръ правленія университета, съ угрозою доставить его въ Ковно при помощи полиціи и требованіемъ объясненія неявки въ срокъ. Напрасно оправдывался Мицкевичъ своею болѣзнью: это не избавило его отъ новаго выговора, причемъ однако правленіе, какъ бы изъ снисхожденія къ его молодости и неопытности, отмѣнило наложенное было на него наказаніе въ видѣ прекращенія жалованья.

Такое отношеніе къ нему его главнаго начальства

ЭР02298

глубоко оскорбило впечатлительнаго поэта и память объ этомъ оскорбленіи надолго сохранилась у него.

Не успѣло еще изгладиться первое впечатлѣніе этого происшествія, какъ Мицкевичъ получилъ извѣстіе о смерти своей матери, послѣдовавшей 9 октября 1820 года. Онъ не могъ даже присутствовать на похоронахъ матери, горячо имъ любимой. Въ началѣ слѣдующаго 1821 года новый ударъ постигъ Мицкевича. Дѣвушка, которой онъ отдалъ сердце со всѣмъ пыломъ первой любви, Марія Верещакъ, вышла за Путткамера. Мицкевичъ зналъ, что послѣдній считается ея женихомъ, но тѣмъ не менѣе не переставалъ питать неопредѣленныя надежды. Теперь имъ сразу положенъ былъ конецъ. Поэтъ терзался, мученія ревности и любви не давали ему покоя, хотя въ то же время онъ долженъ былъ сознаваться, что любимая дѣвушка ни разу не давала ему повода думать о взаимности. Не въ чемъ было ему упрекать и Путткамера. Послѣдній, человѣкъ глубоко честный и правдивый, и послѣ свадьбы не мѣшалъ женѣ переписываться съ поэтомъ. Марія или, какъ называлъ ее Мицкевичъ, Марыля, писала ему, прося забыть ее и успокоиться, но совѣты эти оставались безплодными. Очутившись въ положеніи Гёте между Лоттой и Кестнеромъ, Мицкевичъ въ безъисходномъ отчаяніи доходилъ даже до того, что помышлялъ, подобно Вертеру, кончить жизнь самоубійствомъ. Этого однако не случилось: глубокая вѣра удержала его отъ рѣшительнаго шага, но за то тяжелое, грустное настроеніе надолго охватило его, что отразилось и въ поэтическихъ произведеніяхъ его за это время.

Учительскія обязанности, отвлекавшія его вниманіе отъ поэтическаго творчества, въ этотъ періодъ грустнаго настроенія стали ему особенно тягостны и онъ жаловался на крѣпость „жмудскихъ лбовъ", обучать которые ему приходится. Тяготясь своею должностью, онъ сталъ хлопотать о годовомъ отпускѣ, ссылаясь на свою болѣзнь. Въ сентябрѣ 1821 года

ЭР02298

ему былъ дѣйствительно данъ такой отпускъ, съ сохраненіемъ получавшагося имъ жалованья, и Мицкевичъ перебрался на житье въ Вильну, гдѣ поселился у Чечотта. Самаго крупнаго изъ основанныхъ ихъ кружкомъ обществъ—„Лучистыхъ"—онъ уже не засталъ. Одна особенно шумная и многолюдная маювка ихъ въ Духовъ день 1821 года, въ которой участвовалъ и Мицкевичъ, нарочно для этого пріѣзжавшій тогда изъ Ковно, обратила на нихъ вниманіе виленскаго военнаго губернатора, Римскаго-Корсакова. Введенный въ заблужденіе названіемъ общества, онъ заподозрилъ въ немъ связь съ иллюминатами и, согласно съ его желаніемъ, ректоръ запретилъ дальнѣйшее существованіе „Лучистыхъ". Запрещеніе это не помѣшало продолженію собраній филаретовъ и филоматовъ, но побудило ихъ держать свои сходки еще въ большей тайнѣ.

Въ кругу товарищей и новыхъ пріобрѣтенныхъ въ Вильнѣ знакомыхъ, преимущественно изъ профессорскихъ семей, быстро проходило время для Мицкевича. Тогда-то впервые познакомился онъ между прочимъ съ семействомъ профессора Бэкю, отчима Юлія Словацкаго, и мать послѣдняго давала ему читать первыя произведенія своего сына. Какъ любилъ впослѣдствіи вспоминать Словацкій, Мицкевичъ уже тогда, на основаніи этихъ юношескихъ опытовъ, предсказалъ ему великую поэтическую будущность. Здѣсь же въ Вильнѣ впервые послѣ замужества Марыли встрѣтился поэтъ съ нею и хотя мученія неудовлетворенной любви далеко не улеглись въ его страстной душѣ, но благодаря жизни въ обществѣ близкихъ людей мученія эти не сказывались такъ сильно, какъ въ ковенскомъ одиночествѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь въ Вильнѣ далеко не была для него и праздной. Онъ ревностно продолжалъ свои литературныя занятія и особенно много времени посвящалъ знакомству съ англійской поэзіей. Послѣ чтенія Шекспира, черезъ котораго онъ, по его выраженію, „протискивался съ словаремъ въ рукахъ, какъ

ЭР02298

евангельскій богачъ сквозь игольное ушко", онъ обратился къ Байрону, и мрачная, но огненная и высокая, исполненная страстныхъ порывовъ поэзія „властелина умовъ" тогдашней Европы, такъ сильно соотвѣтствовшая его собственному печальному настроенію, увлекла его: онъ принялся за переводы отрывковъ „Гяура", а позднѣе и „Чайльдъ-Гарольда". Но этимъ не ограничивались его занятія: въ то же время онъ подготовлялъ изданіе перваго томика своихъ стихотвореній, составленнаго изъ балладъ, частью уже напечатанныхъ ранѣе въ журналахъ, но въ большинствѣ впервые появившихся въ свѣтъ, и дидактической поэмы: „Шашки" (Warcoby). Въ концѣ мая 1822 года томикъ этотъ вышелъ въ свѣтъ, снабженный предисловіемъ, въ которомъ Мицкевичъ смѣло указывалъ всѣ недостатки французской псевдо-классической поэзіи, ея ходульность, безжизненность и условность, ея оторванность отъ родной почвы и отсутствіе въ ней истиннаго вдохновенія.

Эти упреки, выраженные рѣзко и безъ оговорокъ, могли дѣйствительно назваться смѣлыми въ виду господствовавшаго въ тогдашней польской литературѣ ложно-классическаго направленія. Всѣ корифеи критики и литературы почувствовали себя глубоко оскорбленными дерзостью молодого поэта и не замедлили дать ему почувствовать это. Не смотря на довольно быструю распродажу изданія, въ печати не появилось объ немъ ни одного отзыва, частные же отзывы классиковъ о Мицкевичѣ были преисполнены негодованія.

Случилось, что однажды, когда Мицкевичъ былъ у Бэкю, туда же пришелъ товарищъ послѣдняго по каѳедрѣ, Янъ Снядецкій, бывшій ректоръ университета, ярый классикъ по воспитанію и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ классическаго направленія въ литературѣ и поклонниковъ философіи 18-го вѣка. Воспользовавшись случаемъ выместить свое раздраженіе, онъ сдѣлалъ видъ, будто не узналъ Мицкевича, и въ разговорѣ сталъ безпощадно осмѣивать его произведенія, его проповѣдь

ЭР02298

романтизма, вѣру въ духовъ и пристрастіе къ чудесному. Раздраженный старикъ не щадилъ и самой личности поэта, а Бэкю, самъ принадлежавшій по направленію къ классикамъ, не только не удерживалъ его, но и самъ вторилъ его насмѣшкамъ. Ни природная застѣнчивость, ни служебное положеніе, ставившее его въ зависимость отъ совѣта университета, не позволили Мицкевичу возражать. Ему пришлось молча вынести это глумленіе, но оно поселило въ немъ ожесточеніе противъ отжившаго поколѣнія, не уважающаго стремленій молодежи, и онъ современемъ жестоко отомстилъ Бэкю за свое униженіе тѣмъ оружіемъ, которое всегда было къ его услугамъ, своимъ перомъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ близился срокъ окончанія отпуска, Мицкевичъ чувствовалъ все менѣе охоты возвращаться въ Ковно къ опостылѣвшей ему преподавательской дѣятельности и мучительному одиночеству. Онъ рѣшился тогда просить у попечителя виленскаго учебнаго округа, князя Чарторыскаго, командировку за границу съ цѣлью ознакомленія съ теоріей эстетики, чтобы получить затѣмъ возможность составить учебникъ ея для среднихъ учебныхъ заведеній. Просьба эта однако не имѣла успѣха и съ началомъ новаго учебнаго года Мицкевичу пришлось возвратиться на свою должность въ Ковно. Вернулся онъ туда уже магистромъ, очевидно получивъ эту степень отъ университета за какую-то работу, подробныхъ свѣдѣній о которой однако не сохранилось. Уроки мало занимали его, а разлука съ друзьями и невозможность даже видѣть любимую женщину угнетающе дѣйствовали на его настроеніе. Доведенный до крайней степени нервнаго разстройства, поэтъ цѣлыми днями ничего не ѣлъ и поддерживалъ свои силы лишь неумѣреннымъ употребленіемъ кофе и табаку, которое конечно еще болѣе ослабляло его нервную систему.

Самъ Мицкевичъ въ письмѣ къ одному товарищу такъ обрисовывалъ тогда свои занятія и настроеніе: „Я при-

ЭР02298

выкаю къ школѣ, такъ какъ мало читаю, мало пишу, много думаю и страдаю, и поэтому нуждаюсь въ ослиномъ трудѣ. По вечерамъ я играю въ бостонъ на деньги, никакихъ обществъ не люблю, музыку слушаю рѣдко, игра же въ карты безъ денегъ не доставляетъ мнѣ интереса. Читаю только Байрона; книги, написанныя въ другомъ духѣ, бросаю, такъ какъ не люблю лжи; описаніе счастья семейной жизни возмущаетъ меня также, какъ видъ супружествъ; дѣти—это моя единственная антипатія".

Такое сильное разочарованіе поселила въ душѣ поэта его неудачная любовь, прошедшая, по выраженію Зана, по его душѣ, какъ пожаръ по лѣсу. Что Мицкевичъ при этомъ не накидывалъ на себя моднаго плаща разочарованія, а страдалъ дѣйствительно сильно, можетъ показать хотя бы слѣдующій случай. Весною 1823 года его посѣтилъ въ Ковнѣ одинъ изъ младшихъ товарищей по университету, въ это время уже начинающій романтическій поэтъ, Одынецъ. Мицкевичъ между прочимъ сталъ было читать ему свой переводъ прощанія Чайльдъ-Гарольда, но дойдя до словъ: „теперь, слоняясь по широкому свѣту, я веду скитальческую жизнь: зачѣмъ же мнѣ плакать, по комъ и о комъ, когда никто не плачетъ обо мнѣ", внезапно поблѣднѣлъ и упалъ въ обморокъ. Сердечныя страданія свои онъ старался заглушить усиленнымъ физическимъ движеніемъ, для чего совершалъ далекія прогулки въ окрестностяхъ Ковна, и литературными занятіями.

Къ этому времени относится созданіе 2-ой и 4-ой части тетралогіи „Дзяды", въ которыхъ онъ воспроизвелъ исторію своей собственной любви, а также эпической поэмы „Гражина" и еще нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, среди которыхъ самое видное мѣсто занимаетъ „Ода къ юности". „Дзяды" и „Гражина" составили содержаніе второго томика стихотвореній, изданнаго въ Вильнѣ весною 1823 года. Расходы на изданіе

ЭР02298

доставила подписка, а хлопоты по нему принялъ на себя, какъ и при изданіи перваго томика, жившій въ Вильнѣ Чечоттъ. Первоначально и этотъ томикъ не вызвалъ никакихъ критическихъ отзывовъ въ журналахъ, но публика уже успѣла оцѣнить молодого поэта и число подписчиковъ значительно увеличилось въ сравненіи съ первымъ томомъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и на столбцахъ варшавскаго журнала „Astrea“ появилась первая критическая статья о Мицкевичѣ, авторъ которой Францискъ Гжимала, съ сочувствіемъ отзывался о его произведеніяхъ и признавалъ въ немъ истинный талантъ.

Литературный успѣхъ не измѣнилъ душевнаго настроенія поэта, но вскорѣ счастье, казалось, улыбнулось ему съ другой стороны. Друзья, опасаясь за его здоровье, уже нѣсколько времени помышляли о томъ, чтобы отправить его за границу, причемъ средства на такое путешествіе, по ихъ разсчетамъ, частью были бы доставлены распродажей его произведеній, частью-же могли быть собраны среди наиболѣе близкихъ товарищей. Самъ Мицкевичъ, отчаявшись въ возможности получить казенную командировку, соглашался на этотъ проектъ и подалъ просьбу попечителю объ увольненіи его въ виду разстроеннаго здоровья отъ исполненія преподавательскихъ обязанностей. Весною того же 1823 года онъ дѣйствительно получилъ такое увольненіе, срокомъ на два года, и повидимому его давнишняя мечта была близка къ осуществленію. Вышло однако не такъ, и внезапный ударъ судьбы разрушилъ всѣ ожиданія и планы поэта, направивъ его жизнь по новому пути и внеся новый элементъ въ его дѣятельность. Хлопоты по полученію заграничнаго паспорта затянулись, въ нихъ прошло все лѣто, а въ концѣ его Мицкевичъ получилъ извѣстіе объ открытіи общества филаретовъ и арестѣ Чечотта. Вскорѣ былъ арестованъ и самъ онъ.

ЭР02298

III.

Мицкевичъ въ тюрьмѣ.

Его импровизаціи.—Отправленіе въ Одессу.—Любовь къ Каролинѣ Собанской.—„Сонеты".—Переѣздъ въ Москву.—Сближеніе Мицкевича съ русскими писателями и дружба съ Пушкинымъ.—„Конрадъ Валленродъ".—Въ Петербургѣ.—Мицкевичъ вступаетъ въ открытую борьбу со старой школой польскихъ критиковъ.—Духовный ростъ Мицкевича за пятилѣтній періодъ его жизни въ Москвѣ и Петербургѣ.

Время, непосредственно предшествовавшее аресту Мицкевича и его друзей, было началомъ періода реакціи въ Россіи. Правительство Александра I, въ началѣ царствованія послѣдняго относившееся доброжелательно ко всякимъ либеральнымъ начинаніямъ и охотно допускавшее существованіе въ средѣ интеллигенціи различныхъ кружковъ и обществъ, въ началѣ 20-хъ годовъ измѣнило свои взгляды. Революціонное движеніе въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы заставило императора, подпавшаго подъ вліяніе Меттерниха, опасаться возможности того же и въ Россіи, и мѣсто прежней либеральной политики заступила иная, направленная къ стѣсненію проявленій общественнаго мнѣнія. Прежнихъ совѣтниковъ государя замѣнили новые люди, частью искренно державшіеся крайне консервативнаго направленія, частью желавшіе воспользоваться перемѣною правительственной системы для скорѣйшаго личнаго возвышенія. При этой разгорав-

ЭР02298

шейся реакціи особенныя опасенія сторонниковъ ея возбуждали общества молодежи. Студенческое движеніе въ Германіи, казалось, подтверждало справедливость этихъ опасеній и оправдывало необходимость строгихъ мѣръ. Это недовѣріе къ обществамъ вскорѣ выразилось и въ практическихъ мѣрахъ: общество Шубравцевъ было закрыто, та же участь постигла и массонскія ложи. Дѣятельность виленскаго университета подвергалась строгому контролю со стороны императорскаго коммиссара въ Варшавѣ, Новосильцева.

При такихъ-то обстоятельствахъ послѣдовало случайное открытіе оставшейся до сихъ поръ въ тайнѣ организаціи филоматовъ и филаретовъ. У одного изъ членовъ ихъ, нѣкоего Янковскаго, произведенъ былъ обыскъ по другому поводу, но при этомъ найдены были стихи политическаго содержанія. Опасаясь послѣдствій этой находки, Янковскій вздумалъ объяснить происхожденіе найденныхъ стиховъ постороннимъ вліяніемъ и открылъ существованіе общества, членомъ котораго онъ состоялъ. Немедленно были арестованы по его указаніямъ и всѣ другіе филареты и доставлены въ Вильно, гдѣ ихъ содержали въ обращенныхъ въ тюрьмы монастыряхъ, пока продолжалось слѣдствіе. Заключеніе это было впрочемъ не такъ уже строго и по крайней мѣрѣ въ монастырѣ базиліатовъ, гдѣ содержался Мицкевичъ и многіе изъ его товарищей, узники могли, при помощи подкупа стражи, сходиться и бесѣдовать между собой по вечерамъ. Бесѣды эти конечно въ значительной степени измѣнили уже свой характеръ: хотя литературные интересы по прежнему продолжали волновать ихъ участниковъ, хотя послѣдніе и на этихъ собраніяхъ, происходившихъ подъ заключеніемъ, сообщали другъ другу свои новыя произведенія, но ко всему этому подъ вліяніемъ событій прибавился новый элементъ—политическій.

Лично для Мицкевича это заключеніе имѣло даже нѣкоторую долю благотворнаго вліянія, оторвавъ

ЭР02298

его отъ эгоистическихъ страданій сентиментальной любви, родившейся, не смотря на всю ея силу, болѣе подъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ книгъ, чѣмъ живой дѣйствительности. Къ тому же времени относится и начало импровизацій Мицкевича, заслужившихъ ему впослѣдствіи такую славу. Страстная натура поэта и то напряженное состояніе духа, въ которомъ онъ находился подъ арестомъ, достаточно объясняютъ возникновеніе этого новаго рода его поэтическаго творчества, и дѣйствительно первыя импровизаціи его вызывались непосредственно положеніемъ его и его товарищей и изображали послѣднее. Въ февралѣ 1824 года Мицкевичъ и большинство другихъ филаретовъ были выпущены изъ монастыря, но приговоръ по ихъ дѣлу не былъ еще окончательно постановленъ и лишь въ августѣ онъ былъ подписанъ государемъ. Въ силу этого приговора Занъ, во время слѣдствія принявшій на себя всю вину составленія тайнаго общества, Чечоттъ и еще одинъ филоматъ, какъ наиболѣе виновные, подвергались заключенію въ крѣпости и затѣмъ высылкѣ въ русскія губерніи, 18-же другихъ ихъ товарищей должны были отправиться во внутреннія губерніи Россіи для службы по министерству народнаго просвѣщенія. Въ число послѣднихъ попалъ и Мицкевичъ. Въ октябрѣ онъ выѣхалъ въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы уже оттуда отправиться на мѣсто своей будущей службы, остававшееся пока ему совершенно неизвѣстнымъ. Туда же должны были ѣхать и остальные его товарищи.

По прибытіи невольныхъ путниковъ въ столицу, они нашли въ ней однако болѣе ласковый пріемъ, чѣмъ ожидали. Министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ предоставилъ имъ самимъ выбрать себѣ по желанію мѣсто службы. Мицкевичъ вмѣстѣ съ Ежовскимъ и другимъ товарищемъ Малевскимъ, сыномъ бывшаго виленскаго ректора, избрали Одессу, причемъ двое первыхъ заявили желаніе преподавать въ Ришельевскомъ

ЭР02298

лицеѣ. Въ началѣ 1825 года они дѣйствительно отправились туда, получивъ отъ министерства въ пособіе на дорогу по 300 рублей асс. Въ Одессѣ однако не пришлось остаться никому изъ нихъ, такъ какъ вскорѣ по пріѣздѣ ихъ въ этотъ городъ полученъ былъ приказъ, которымъ имъ воспрещалось пребываніе во всѣхъ южныхъ губерніяхъ и предоставлялось избрать какое-нибудь другое мѣсто жительства. Мицкевичъ и Малевскій выбрали на этотъ разъ Москву, но отправленіе ихъ туда затянулось, а тѣмъ временемъ жизнь въ Одессѣ не осталась безъ вліянія на Мицкевича.

Тамошнее общество приняло пріобрѣтавшаго уже извѣстность поэта весьма радушно, а польское тѣмъ болѣе, такъ какъ въ его глазахъ онъ являлся страдальцемъ за идею. Нужно прибавить впрочемъ, что въ ту эпоху, когда національный вопросъ еще не обострился настолько, какъ впослѣдствіи, и русскіе интеллигентные кружки относились съ участіемъ къ судьбѣ, постигшей Мицкевича. Послѣдній попалъ въ Одессѣ въ кругъ высшаго свѣтскаго общества, до сихъ поръ остававшійся ему совершенно незнакомымъ, познакомился съ его жизнью и на нѣкоторое время былъ даже увлеченъ ея блескомъ. Здѣсь же впервые испыталъ онъ взаимную любовь, горячую и страстную, не похожую на его сентиментальныя отношенія къ Марылѣ, влюбившись въ Каролину Собанскую, урожденную Ржевускую. Въ сообществѣ ея и ея брата, впослѣдствіи извѣстнаго въ польской литературѣ Генриха Ржевускаго, онъ совершилъ поѣздку въ Крымъ, пользуясь свободнымъ временемъ. Подъ вліяніемъ новаго, неизвѣстнаго еще чувства страсти и чудныхъ красотъ природы, такъ не похожихъ на все видѣнное имъ до того времени, возникъ тогда цѣлый рядъ перловъ лирической поэзіи Мицкевича, извѣстныхъ подъ именемъ „Сонетовъ“. Чувство поэта къ Собанской продолжалось однако не долго; выказанная имъ ревность повела къ разрыву и,

ЭР02298

получивъ въ ноябрѣ 1825 года позволеніе пріѣхать въ Москву, Мицкевичъ охотно пустился въ путь.

И въ Москвѣ Мицкевичъ поселился вмѣстѣ съ Малевскимъ и первое время вращался исключительно въ немногочисленномъ тогда въ этой столицѣ польскомъ кружкѣ, среди котораго онъ встрѣтилъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ бывшихъ товарищей. Но начатыя имъ хлопоты по изданію сонетовъ сблизили его съ профессорами московскаго университета, которые исправляли тогда и обязанности цензоровъ, а чрезъ нихъ и вообще съ кругомъ московскихъ литераторовъ. Каченовскій, принявшій на себя цензуру произведеній польскаго поэта, познакомилъ его съ Н. Полевымъ, находившимся въ то время еще въ расцвѣтѣ своей дѣятельности. Знакомству этому предшествовали доходившія уже изъ Польши вѣсти о пріобрѣтенной Мицкевичемъ извѣстности и это обстоятельство содѣйствовало тому, что какъ Полевой, такъ и весь почти кружокъ тогдашнихъ русскихъ литераторовъ и поэтовъ въ Москвѣ радушно принялъ Мицкевича. Особенно сблизился послѣдній съ кн. Вяземскимъ, который по своему знакомству съ польскимъ языкомъ и литературой скорѣе другихъ могъ оцѣнить его талантъ. Вяземскій же началъ рядъ переводовъ изъ Мицкевича, переведя прозою на русскій языкъ его сонеты и помѣстивъ ихъ въ издававшемся Полевымъ „Московскомъ Телеграфѣ“. Здѣсь же польскій поэтъ познакомился и съ великимъ представителемъ нашей поэзіи, Пушкинымъ. Почти ровесники по возрасту (Пушкинъ былъ моложе Мицкевича на пять мѣсяцевъ), они имѣли много общаго и въ своихъ взглядахъ, такъ какъ оба равно стремились тогда къ осуществленію либеральныхъ и гуманныхъ идеаловъ, а чистый, нравственный характеръ обоихъ исключалъ всякую мысль о мелкомъ соперничествѣ. Пушкинъ охотно признавалъ превосходство надъ собою польскаго поэта въ большей начитанности и болѣе систематическомъ образованіи, а послѣдній съ своей

ЭР02298

стороны заявлялъ, что считаетъ Пушкина великимъ поэтомъ. Дружбѣ этой, представляющей такое глубоко симпатичное явленіе, не суждено было продолжаться очень долго. Событія, послѣдовавшія за отъѣздомъ Мицкевича за границу, разорвали ее и положили конецъ личнымъ отношеніямъ поэтовъ, но и тогда у каждаго изъ нихъ сохранилось глубокое уваженіе къ таланту другого. Извѣстно посвященное Мицкевичу стихотвореніе Пушкина, относящееся къ августу 1834 года; въ началѣ его личность польскаго поэта обрисовывается весьма привлекательными чертами:

„Средь племени ему чужого, злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили... Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся“.

Такимъ же образомъ и Мицкевичъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ оставилъ воспоминаніе этой дружбы съ нашимъ великимъ поэтомъ. Въ стихотворномъ отрывкѣ подъ названіемъ „Памятникъ Петра Великаго“ заключаются, между прочимъ, слѣдующія строки: „Вечеромъ подъ дождемъ стояли два юноши подъ однимъ плащемъ, взявшись за руки: одинъ былъ пилигримъ, пришелецъ съ запада, неизвѣстная жертва злой судьбы; другой былъ поэтъ русскаго народа, прославившійся пѣснями на всемъ сѣверѣ. Знакомы были они недолго, но тѣсно, и уже нѣсколько дней были друзьями. Ихъ души выше земныхъ преградъ, какъ двѣ родственныя альпійскія вершины, которыя, хотя и разорваны на-вѣки струею потока, едва слышатъ шумъ своего врага, склоняя другъ къ другу поднебныя вершины“.

ЭР02298

Уже изъ этихъ свидѣтельствъ самихъ поэтовъ можно видѣть, что ихъ общеніе не ограничивалось однимъ обмѣномъ литературныхъ впечатлѣній, простираясь и на другія сферы жизни. Тѣмъ легче было установиться между ними этому общенію, что Пушкинъ въ эту пору своей дѣятельности не разставался еще съ вынесенными изъ юности идеалами и вліяніе реакціи замѣтно отразилось на немъ лишь позже. Но и въ области литературы оба поэта были близки по своему направленію, тѣмъ болѣе, что Мицкевичъ начиналъ уже замѣчать крайности исключительнаго романтизма; въ эту пору своей жизни и Пушкинъ, и Мицкевичъ одинаково преклонялись передъ геніемъ Байрона, считая его величайшимъ поэтомъ. Это конечно должно было еще болѣе скрѣплять ихъ сближеніе. Знакомствомъ съ Полевымъ, Вяземскимъ и Пушкинымъ не исчерпывались литературныя связи Мицкевича въ Москвѣ: онъ былъ сверхъ того знакомъ еще съ Баратынскимъ, бр. Кирѣевскими, Веневитиновымъ и еще нѣкоторыми другими. Въ свою очередь эти литературныя знакомства повлекли за собою и свѣтскія, такъ какъ большинство русскихъ литераторовъ вращалось тогда въ высшихъ кругахъ общества, а значительная часть принадлежала къ нимъ и по рожденію. Мицкевичъ возобновилъ здѣсь начатое имъ въ Одессѣ знакомство съ большимъ свѣтомъ, бывая у кн. Вяземскаго и въ другихъ аристократическихъ домахъ.

Скука и почти одиночество первыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ Москвѣ смѣнились теперь для него жизнью разнообразной, если не веселой. Онъ тѣмъ охотнѣе пользовался представлявшимся ему обществомъ, что нетерпимость не принадлежала къ числу его недостатковъ. Разъ обращенная на политическіе вопросы, мысль его не переставала работать въ этомъ направленіи и удаленіе отъ родины содѣйствовало только сильнѣйшему развитію патріотическаго чувства, но это послѣднее не размѣнивалось у него тогда на мелочи.

ЭР02298

Въ письмѣ къ Чечотту, упрекавшему его въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ съ русскими, онъ заявляетъ, что не намѣренъ „высказывать свою любовь къ родинѣ, стоя на дорогѣ и вызывая всѣхъ безъ разбора“, и прибавляетъ, что „готовъ ѣсть не только трефный бифштексъ Моавитянъ, но даже мясо съ алтаря Дагона и Ваала, когда голоденъ“. Что эта готовность не шла однако далѣе мелочей, видно изъ той фразы, которою поэтъ кончаетъ свое письмо: „я читаю, говоритъ онъ, Фіеско Шиллера и исторію Маккіавелли“. Условія переписки не позволяли Мицкевичу выразить свою мысль точнѣе, но если сопоставить эту фразу съ писавшимся въ это время „Конрадомъ Валленродомъ“, мысль котораго имѣетъ много общаго съ обоими названными произведеніями, то мы увидимъ, что напряженіе патріотическаго чувства доводило его даже до признанія принципа, что цѣль оправдываетъ средства. Но и такое настроеніе не мѣшало поэту искренно сходиться съ московскимъ обществомъ, въ отношеніяхъ котораго къ себѣ онъ не видѣлъ ничего, что могло бы раздражить его наболѣвшее мѣсто, а напротивъ встрѣчалъ участіе и сочувствіе.

Окончаніе только что упомянутой поэмы заставило Мицкевича подумать о наиболѣе удобномъ мѣстѣ ея печатанія. Сперва онъ хотѣлъ было издать „Валленрода“ въ Варшавѣ, но затѣмъ остановился на Петербургѣ и, пользуясь поѣздкою туда московскаго, генералъ-губернатора кн. Голицына, въ канцеляріи котораго онъ тогда служилъ, отправился съ нимъ и самъ. Въ Петербургѣ онъ нашелъ нѣсколько знакомыхъ уже по Москвѣ русскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ Пушкина, съ которымъ здѣсь онъ сошелся особенно тѣсно, но сверхъ того встрѣтилъ и довольно значительное по сравненію съ Москвой польское общество. Между тѣмъ послѣ изданія „Сонетовъ“ поэтическая извѣстность его уже въ значительной степени упрочилась. Земляки встрѣтили его съ радостью и Мицкевичъ, жаловавшійся въ Москвѣ, что за неимѣніемъ польскихъ книгъ онъ

ЭР02298

боится забыть родной языкъ, былъ не менѣе радъ родному обществу.

Еще въ первый пріѣздъ свой въ Петербургъ, онъ познакомился съ Сенковскимъ, извѣстнымъ оріенталистомъ и писателемъ, и сперва поддерживалъ было это знакомство, но вскорѣ между нимъ и Сенковскимъ произошелъ разрывъ, вслѣдствіе котораго Мицкевичъ охладѣлъ къ нему и сталъ даже считать его опаснымъ, для польскихъ интересовъ, человѣкомъ. Зато тѣмъ усерднѣе бывалъ онъ въ другихъ польскихъ домахъ и нерѣдко по просьбѣ собравшихся гостей импровизировалъ, поражая слушателей своимъ талантомъ. Особенно сильное впечатлѣніе въ нихъ оставила одна такая импровизація, произнесенная поэтомъ въ день своихъ имянинъ. Его польскіе знакомые и пріятели чествовали этотъ день обѣдомъ, послѣ котораго поэтъ на данную ему тему „Самуилъ Зборовскій“ импровизировалъ цѣлую историческую трагедію до 2,000 стиховъ. При такихъ импровизаціяхъ особенно сказывалась крайняя впечатлительность Мицкевича: по свидѣтельству очевидцевъ, вся наружность его въ это время измѣнялась, лицо пріобрѣтало необычное, вдохновенное выраженіе, голосъ становился особенно глубокимъ и сильнымъ, и все это вмѣстѣ производило такое вліяніе на слушателей, что рѣдко кто изъ нихъ могъ оставаться хладнокровнымъ.

Кромѣ польскаго общества и знакомыхъ уже по Москвѣ русскихъ, Мицкевичъ завелъ и новыя связи въ средѣ русскихъ литераторовъ, познакомясь съ Жуковскимъ и Козловымъ, у которыхъ онъ встрѣтилъ и радушный пріемъ, и искреннее уваженіе къ его таланту.

Какъ человѣкъ посторонній для русской литературы, Мицкевичъ не обращалъ вниманія на существовавшія въ средѣ представителей ея партіи и, сближаясь съ либеральнымъ кружкомъ, бывалъ въ то же время и у Булгарина, съ которымъ его могло впрочемъ связывать и національное чувство.

ЭР02298

Въ такой обстановкѣ прожилъ Мицкевичъ въ Петербургѣ до февраля 1828 года, когда, окончивъ печатаніе „Конрада Валенрода“, онъ возвратился въ Москву. На этотъ разъ однако пребываніе его въ послѣднемъ городѣ было очень непродолжительно. Уже въ апрѣлѣ онъ снова предпринялъ путешествіе въ Петербургъ, получивши разрѣшеніе переѣхать туда изъ Москвы. Передъ отъѣздомъ его, московскіе литераторы, въ томъ числѣ Н. Полевой, Баратынскій, Кирѣевскіе, Шевыревъ, устроили въ честь его прощальный вечеръ, въ концѣ котораго И. Кирѣевскій поднесъ ему отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ на память объ нихъ серебряный кубокъ съ вырѣзанными на немъ ихъ именами. При этомъ Кирѣевскій прочелъ стихи, въ которыхъ высказывалъ сожалѣніе о разлукѣ съ Мицкевичемъ, увѣрялъ, что память о немъ навсегда сохранится у нихъ, и просилъ его въ свою очередь не забыть своихъ московскихъ друзей. Растроганный Мицкевичъ отвѣчалъ импровизаціей на французскомъ языкѣ. Содержаніе ея было принаровлено къ случаю: поэтъ говорилъ о томъ, какъ скитальца ласково приняли въ чужой землѣ добрые люди, угостили и одарили и какъ много лѣтъ спустя, по смерти скитальца, нашелся при немъ ихъ подарокъ, съ которымъ онъ не разставался всю жизнь.

Такъ дружески распрощавшись съ московскимъ обществомъ, Мицкевичъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ къ кругу его знакомствъ прибавилось еще одно, заключенное впервые впрочемъ еще въ Москвѣ. Это былъ домъ извѣстной польской піанистки того времени, Шимановской. Мицкевичъ узналъ ее въ Москвѣ, куда она пріѣзжала концертировать въ концѣ 1827 года, а съ той поры, какъ она переселилась въ Петербургъ, что почти совпало съ его собственнымъ переѣздомъ, сдѣлался частымъ ея гостемъ. Двѣ дочери Шимановской, изъ которыхъ одной было суждено впослѣдствіи сдѣлаться женою поэта, были въ то время еще очень мо-

ДВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИ...

ЭР02298

лоды, находясь въ переходномъ возрастѣ отъ дѣтства къ дѣвичеству, и Мицкевича привлекала въ этотъ домъ главнымъ образомъ сама хозяйка, женщина умная и немало испытавшая и видѣвшая на своемъ вѣку, особенно въ поѣздкахъ за-границей.

Шумная и нѣсколько разсѣянная жизнь столицы опять потянулась для поэта, въ значительной мѣрѣ отвлекая его отъ литературныхъ работъ. За все время пребыванія здѣсь, то есть вплоть до мая 1829 года, Мицкевичъ написалъ только одну болѣе крупную вещь—поэму „Фарисъ". Но въ это же время онъ выступилъ на литературномъ поприщѣ и въ иной, новой для него роли—критика. Будучи еще студентомъ, онъ напечаталъ, правда, разъ критическую статью, но она не заключала въ себѣ никакихъ новыхъ взглядовъ, была написана еще въ ту пору, когда авторъ находился подъ полнымъ и исключительнымъ вліяніемъ старой эстетической школы и вообще представляла довольно слабое произведеніе. Теперь Мицкевичъ, ободренный успѣхомъ своихъ произведеній какъ среди польской, такъ и русской публики, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздраженный отношеніемъ къ нему польскихъ критиковъ—классиковъ по направленію,—которые, даже и признавая въ немъ талантъ, продолжали нападенія на романтическую подкладку его произведеній и на отступленія отъ классическихъ правилъ, рѣшился перейти въ наступательное положеніе и, выпуская въ свѣтъ въ Петербургѣ собраніе своихъ сочиненій, снабдилъ его предисловіемъ о варшавскихъ критикахъ и рецензентахъ.

Предисловіе это представляло изъ себя рѣзкую, мѣстами даже преувеличенную, но въ общемъ мѣткую и вѣрную характеристику взглядовъ тогдашнихъ патріарховъ польской критики и литературы, далеко отставшихъ отъ современнаго движенія и во многомъ совершенно не понимавшихъ его. Поэтъ не пожалѣлъ красокъ для обрисовки этой отсталости: по его словамъ, представляющимъ впрочемъ цитату изъ Бай-

ЭР02298

рона, спорить съ кѣмъ-либо изъ признанныхъ въ Варшавѣ авторитетовъ о литературныхъ вопросахъ было бы равносильно тому, что разсуждать въ Ая-Софіи съ улемами о встрѣчающихся въ Коранѣ безсмыслицахъ и ожидать съ ихъ стороны пониманія и терпимости. Этою статьей Мицкевичъ рѣшительно бросалъ вызовъ старой школѣ въ польской литературѣ и противники не замедлили имъ воспользоваться. Почти одновременно появилось нѣсколько отвѣтовъ съ ихъ стороны, а представители романтизма въ свою очередь воспользовались примѣромъ самаго крупнаго въ своей средѣ человѣка и по всей линіи польскихъ журналовъ возгорѣлась жаркая полемика.

Личныя обстоятельства Мицкевича сложились однако такимъ образомъ, что онъ уже не могъ болѣе поддерживать своихъ прежнихъ связей. Жизнь въ Петербургѣ тяготила его, какъ ни была она богата знакомствами. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ еще упомянуть особенно одно, не оставшееся, какъ можно предполагать, безъ вліянія на него втеченіе послѣдующей его жизни. Это было именно знакомство съ Іосифомъ Олешкевичемъ, живописцемъ по профессіи, мистикомъ по направленію, бывшимъ даже одно время руководителемъ массонской ложи Бѣлаго Орла. Душевныя свойства его, добродушіе и простота, привлекали къ нему Мицкевича, а Олешкевичъ съ своей стороны пытался развить въ немъ мистическое настроеніе и, хотя не могъ вполнѣ достичь этого, однако не отчаявался въ успѣхѣ, находя, какъ ему казалось, въ поэтѣ подходящую духовную организацію.

Но ни эта дружба, ни множество другихъ пріятельскихъ отношеній и знакомствъ не могли замѣнить Мицкевичу родины. Одно время онъ ласкалъ себя надеждой получить дозволеніе возвратиться въ Литву, но вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ этой мечты. Тогда ему представился другой исходъ и онъ началъ хлопотать объ осуществленіи давнишняго своего желанія—о поѣздкѣ за гра-

ЭР02298

ницу, средства на которую доставило ему изданіе послѣднихъ произведеній. Хлопоты эти были поддержаны его русскими знакомыми, особенно кн. Зинаидой Волконской, и благодаря ихъ стараніямъ увѣнчались успѣхомъ: императоръ Николай разрѣшилъ Мицкевичу отправиться въ заграничное путешествіе. Послѣ этого Мицкевичъ еще разъ съѣздилъ въ Москву, простился съ тамошними знакомыми и, возвратившись въ Петербургъ, выѣхалъ изъ него уже навсегда 15 мая 1829 года, уговорившись съ Одынцемъ, также отправлявшимся за границу, съѣхаться съ нимъ въ Дрезденѣ и затѣмъ продолжать путешествіе вмѣстѣ.

Почти пятилѣтнее пребываніе внутри Россіи не прошло безслѣдно для Мицкевича. За это время онъ возмужалъ и окрѣпъ, не только физически, но и умственно. Знакомство съ иными условіями быта на широкомъ пространствѣ отъ Петербурга до Москвы и Одессы, съ другою національностью, хотя часто по необходимости поверхностное, не могло не содѣйствовать развитію въ немъ наблюдательности, представляя неизвѣстныя до сихъ поръ стороны жизни и невольно обращая вниманіе на такія мелочи родного быта, которыя оставались раньше незамѣченными, но ярко выступали при сравненіи. Въ свою очередь личныя сношенія съ представителями русской литературы, болѣе развитой и ближе стоявшей къ новому направленію, чѣмъ тогдашняя польская, обладавшей болѣе серьезными критическими силами, должно было способствовать утвержденію еще ранѣе развившихся у него эстетическихъ взглядовъ.

Была въ этомъ невольномъ пребываніи и еще одна благотворная для поэта сторона: подъ давленіемъ его поэтъ оторвался отъ созерцанія исключительно личныхъ невзгодъ и перенесъ свое вниманіе на болѣе широкіе вопросы. Невзгода, постигшая его, пробудила въ немъ общественныя струны, не переставшія звучать уже до самаго конца его жизни, и тѣмъ самымъ если не изгла-

ЭР02298

дила, то по крайней мѣрѣ смягчила въ его душѣ память первой неудачной любви. Это сознавалъ и самъ Мицкевичъ, когда писалъ одному своему пріятелю: „я впервые сталъ веселъ у базиліановъ, я спокоенъ и почти благоразуменъ въ Москвѣ". Свѣтское общество, въ которомъ поэтъ вращался въ Одессѣ, Москвѣ и Петербургѣ, наравнѣ съ литературнымъ, не испортило его скромнаго и вмѣстѣ исполненнаго достоинства характера, не заставило его гоняться за дешевой салонной славой, и все дурное его вліяніе сказалось развѣ во временномъ ослабленіи—въ періодъ пребыванія въ Петербургѣ—поэтическаго творчества. Зато оно вмѣстѣ съ внѣшнимъ лоскомъ, пріобрѣтеніе котораго нельзя считать конечно особенно цѣннымъ, дало Мицкевичу большую самоувѣренность и сознаніе своихъ силъ и онъ выѣзжалъ теперь изъ Россіи уже не тѣмъ застѣнчивымъ провинціаломъ, не знающимъ жизни большихъ городовъ, какимъ явился пять лѣтъ назадъ изъ Вильны въ Петербургъ.

Это развитіе поэта сказалось и большею опредѣленностью его взглядовъ на поэтическое творчество. Увлеченіе романтизмомъ не прошло еще совершенно, но вошло по крайней мѣрѣ въ болѣе тѣсныя границы, Мицкевичъ понималъ теперь сущность этого направленія, въ отличіе отъ классиковъ, какъ стремленіе воспроизвести живую дѣйствительность. Ошибка классиковъ, по его мнѣнію, заключалась въ томъ, что они пишутъ съ манекеновъ, между тѣмъ какъ поэзія должна почерпать свое содержаніе непосредственно изъ жизни, причемъ воображенію предоставляется роль второстепенная, заключающаяся лишь въ расположеніи матеріала. Это стремленіе къ истинѣ и простотѣ ведетъ поэзію къ воспроизведенію новыхъ формъ, заимствуемыхъ отчасти изъ простонародной поэзіи, въ которой правда изображенія всегда стояли на первомъ планѣ и народный духъ отразился съ наибольшею силою; но простонародная поэзія, бла-

ЭР02298

годаря узости круга своихъ понятій, не можетъ сдѣлаться единственнымъ источникомъ современнаго творчества и другимъ такимъ источникомъ, болѣе возвышеннымъ, является религіозное чувство. Поэтическое вдохновеніе почти совпадаетъ съ религіознымъ одушевленіемъ, и истинными поэтами, согласно мнѣнію Мицкевича были только пророки. Приближаясь такимъ образомъ одною стороною своихъ взглядовъ къ современному реалистическому пониманію творчества, Мицкевичъ съ другой стороны вносилъ въ него мистическій оттѣнокъ, что зависѣло какъ отъ вліяній, окружавшихъ его дѣтство, такъ вѣроятно и отъ бесѣдъ съ Олешкевичемъ въ Петербургѣ. Пока этотъ мистицизмъ сказывался и въ настроеніи, и въ созданіяхъ поэта въ весьма слабой степени, но измѣненіе обстоятельствъ жизни могло подѣйствовать на его усиленіе.

ДВГНБ

ЭР02298

IV.

Добровольный изгнанникъ.

Поѣздка за границу.—Свиданіе съ Гете и взаимная неудовлетворенность обоихъ поэтовъ.—Окончательный поворотъ Мицкевича къ религіозному міросозерцанію.—Увлеченіе Генріэтой Анквичъ.—Польское возстаніе 1831 г. и вышедшая изъ него эмиграція.—Тяжелое положеніе поэта среди эмигрантовъ.—Теорія народнаго мессіанизма.—„Панъ Тадеушъ“, какъ свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ овладѣвшаго поэтомъ мистицизма.

Выѣхавъ изъ Петербурга на пароходѣ, Мицкевичъ высадился на берегъ въ Травемюнде и оттуда сухимъ путемъ черезъ Любекъ, Гамбургъ и Берлинъ отправился въ Дрезденъ. На этой дорогѣ болѣе долговременной остановкой для него былъ только Берлинъ, гдѣ онъ познакомился съ польскими студентами, посѣщавшими здѣшній университетъ, славившійся тогда лекціями Гегеля. Мицкевичъ былъ нѣсколько знакомъ съ нѣмецкой философіей; еще будучи учителемъ въ Ковнѣ, онъ читалъ труды Канта и Шеллинга, но и тогда уже это чтеніе давалось ему съ большимъ трудомъ, а съ того времени поэтъ отвыкъ отъ философскихъ разсужденій, отводя даже въ теоріи первое мѣсто непосредственному чувству. Тѣмъ менѣе могла ему понравиться заключенная въ туманную оболочку и выраженная запутаннымъ и неяснымъ языкомъ философія Гегеля. Онъ посѣтилъ нѣсколько колекцій славнаго профессора, но остался къ нимъ вполнѣ равнодушенъ и даже подсмѣивался надъ энтузіазмомъ къ

ЭР02298

нему студентовъ. Около мѣсяца пробылъ Мицкевичъ въ Берлинѣ и затѣмъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ, согласно условію, онъ долженъ былъ съѣхаться съ Одынцемъ. Изъ послѣдняго города оба молодые путешественника направились въ Веймаръ на поклоненіе къ признанному патріарху европейскихъ поэтовъ, Гете.

Свиданіе Мицкевича съ Гете дѣйствительно состоялось, но, повидимому, обѣ стороны остались не вполнѣ довольны имъ. Гете имѣлъ вообще довольно поверхностное и неясное понятіе о дѣятельности Мицкевича, изъ произведеній котораго были переведены на нѣмецкій языкъ лишь ничтожные отрывки; общая же репутація послѣдняго, какъ реформатора польской поэзіи въ духѣ романтизма, была еще недостаточна для того, чтобы выставить его въ привлекательномъ свѣтѣ въ глазахъ человѣка, давно уже пережившаго это движеніе. И самыя личности обоихъ поэтовъ были во многихъ отношеніяхъ разительно противоположны: Гете, стоявшій въ это время уже на склонѣ своей жизни, обладалъ яснымъ и положительнымъ умомъ, развитымъ разностороннимъ и глубокимъ образованіемъ и чуждавшимся всякаго мечтательнаго увлеченія. Эта пытливость и глубина его ума особенно поразили Мицкевича, но не привлекли его, такъ какъ, вѣрный своему догмату о первостепенномъ значеніи чувствъ, не эти качества онъ считалъ главнымъ въ поэтѣ. Въ холодной атмосферѣ положительнаго знанія, окружавшей великаго нѣмецкаго писателя, польскій поэтъ со своей горячей и страстной мечтательностью, со своими взглядами, выработанными скорѣе путемъ поспѣшнаго обобщенія, чѣмъ кропотливаго научнаго изслѣдованія, наконецъ со своимъ мистически религіознымъ настроеніемъ—чувствовалъ себя неловко, стушевывался и даже обаяніе его личности замѣтно падало. Поэтому отношенія между Гете и Мицкевичемъ за недѣлю, прожитую послѣднимъ въ Веймарѣ, не перешли за границу взаимной вѣжливости.

Отсюда путешественники направились въ Боннъ и

ЭР02298

послѣ недолгой остановки въ этомъ городѣ, которой Мицкевичъ воспользовался чтобы завязать знакомство съ Августомъ Шлегелемъ, переѣхали Швейцарію и черезъ Сплюгенъ спустились въ Италію. Проѣхавъ съ болѣе или менѣе продолжительными остановками Миланъ, Венецію и Флоренцію, они прибыли въ Римъ, гдѣ разсчитывали поселиться на болѣе продолжительное время. Дѣйствительно Мицкевичъ пробылъ въ Римѣ довольно долго, выѣзжая по временамъ изъ него на короткіе сроки. Это пребываніе въ „вѣчномъ городѣ“ имѣло большое вліяніе на Мицкевича, какъ въ томъ отношеніи, что благодаря ему въ душѣ поэта окончательно возобладало религіозное настроеніе, такъ и потому, что здѣсь послѣдній разъ въ жизни онъ испыталъ сильную любовь, оставшуюся, какъ и въ первый разъ, неудовлетворенной, хотя и по другимъ причинамъ.

Италія, какъ страна по преимуществу художественная, гдѣ сохранились величайшіе памятники искусствъ, не производила особеннаго впечатлѣнія на Мицкевича. Его образованіе не было достаточно полно для того, чтобы подготовить его къ воспріятію тѣхъ эстетическихъ впечатлѣній, какія въ изобиліи представлялись здѣсь. Точно также мало привлекала его и исторія страны. Онъ, правда, читалъ въ Римѣ Ливія, находя особенный интересъ въ этомъ чтеніи, когда можно вечеромъ идти смотрѣть сцену событій, о которыхъ читалъ утромъ; но интересъ этотъ былъ преимущественно дѣломъ чисто художественнаго чувства. Критическія изысканія Нибура возмущали его, потому что они разрушали прекрасныя преданія, и онъ не колебался утверждать, что исторія есть скорѣе область поэта, который своимъ чувствомъ можетъ охватить духъ событій вѣрнѣе ученаго спеціалиста. При такомъ поверхностномъ отношеніи къ предмету ни та, ни другая сторона его не могла оказать сильнаго вліянія на умъ поэта.

Но гораздо понятнѣе оказалась для него, гораздо

ЭР02298

явственнѣе говорила его сердцу Италія современная, съ ея папствомъ и католицизмомъ. Религіозное чувство никогда не умирало въ Мицкевичѣ, но во время пребыванія своего въ университетѣ онъ временно до нѣкоторой степени усвоилъ себѣ если не духъ, то господствовавшую тогда манеру французской философіи 18-го вѣка съ ея скептицизмомъ. Уже увлеченіе романтизмомъ поколебало это направленіе, и въ послѣдующія годы жизни Мицкевича оно все болѣе становилось чуждо ему, но онъ не останавливался еще вполнѣ серьезно надъ этимъ вопросомъ, такъ какъ дѣйствительность ставила другія задачи. Въ Италіи католицизмъ предсталъ предъ нимъ во всемъ своемъ великолѣпіи, такъ сильно дѣйствующемъ на впечатлительныя натуры, съ торжественными обрядами и пышными процессіями, которыя дожны были оказать тѣмъ большее вліяніе на поэта, что съ самаго момента выѣзда съ родины онъ почти не видалъ ничего подобнаго. Воспоминанія дѣтства, давнишнее, шедшее отъ университетскихъ временъ убѣжденіе въ необходимости нравственнаго воздѣйствія на жизнь общества и признаніе возможности такого воздѣйствія со стороны религіи, наконецъ непосредственное впечатлѣніе отъ зрѣлища величественной картины католичества въ его главномъ мѣстопребываніи— все это соединилось вмѣстѣ, чтобы закончить переворотъ въ воззрѣніяхъ поэта, и это совершилось тѣмъ легче, когда ко всѣмъ этимъ побудительнымъ причинамъ присоединилось еще вліяніе любимой женщины.

Поселившись въ Римѣ, Мицкевичъ съ Одынцемъ нашли здѣсь самое разнообразное по своему національному составу общество, среди котораго пользовавшійся уже извѣстностью польскій поэтъ вскорѣ занялъ одно изъ наиболѣе выдающихся мѣстъ. Особенно часто бывалъ онъ въ двухъ домахъ, русскомъ—у Хлюстиныхъ, гдѣ молодая дѣвушка Анастасія Хлюстина, извѣстная красавица того времени, собирала вокругъ себя блестящее общество артистовъ, художниковъ и писателей, и польскомъ—у

ГПНБ

GP02298

графа Анквича. Дочь послѣдняго, Генрiтэта, мало по малу привлекала къ себѣ симпатiи поэта и уже вскорѣ онѣ обратились въ серьезное чувство. 18-лѣтняя дѣвушка, обладавшая для своихъ лѣтъ и положенiя серьезнымъ литературнымъ и артистическимъ образованiемъ, Генрiэтта Анквичъ еще до личнаго знакомства съ Мицкевичемъ знала его произведенiя, увлекалась ими и мысленно дѣлала личность ихъ автора своимъ героемъ. Немудрено, что при встрѣчѣ съ нимъ, когда къ прежнимъ впечатлѣнiямъ присоединилась еще и сила личнаго его обаянiя, это увлеченiе съ произведенiй перешло на самого автора. Но на пути взаимнаго чувства этой пары стояла немаловажная преграда, заключавшаяся въ гордости графа. Анквичъ охотно принималъ Мицкевича въ своемъ домѣ, но онъ представлялся ему тѣмъ не менѣе человѣкомъ, не имѣющимъ ни имени, ни положенiя, и не о такой партiи мечталъ онъ для своей дочери. Не измѣняя своей вѣжливости и радушiя по отношенiю къ Мицкевичу, графъ принялъ однако въ высшей степени холодно первые признаки зарождавшагося въ поэтѣ чувства къ его дочери. Въ первое время эта холодность не оттолкнула поэта и онъ продолжалъ часто посѣщать домъ Анквичей, проводя здѣсь время въ разговорахъ съ Генрiэттой о поэзiи, музыкѣ и археологiи. Несомнѣнно, вляніе этихъ бесѣдъ отчасти отразилось и на религiозномъ настроенiи его, такъ какъ Генрiэтта, воспитанная въ духѣ господствующей католической церкви, была искренно предана ей.

Среди этихъ впечатлѣнiй, среди шумной и богатой удовольствiями свѣтской жизни въ Римѣ быстро прошла зима 1829—30 г. и съ наступленiемъ весны, когда Анквичи уѣхали въ Парижъ, Мицкевичъ также выѣхалъ изъ Рима, сперва на югъ Италiи, а затѣмъ въ Швейцарiю. Во время путешествiя по этой послѣдней странѣ онъ встрѣтился и познакомился съ молодымъ, только что начинавшимъ тогда свое славное впослѣдствiи литературное по-

ЭР02298

прище поэтомъ, графомъ Сигизмундомъ Красинскимъ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на послѣдняго, было самаго благопріятнаго свойства. Красинскій писалъ объ немъ восторженные отзывы своему отцу. Такъ въ одномъ письмѣ онъ говорилъ: „Я научился отъ него хладнокровнѣе и безпристрастнѣе понимать дѣла этого свѣта, избавился отъ многихъ предубѣжденій, предразсудковъ и ложныхъ представленій. Это человѣкъ, стоящій совершенно на уровнѣ европейской цивилизаціи, умѣющій удивительно соглашать сухой реализмъ жизни съ самыми возвышенными мыслями поэзіи и идеальной философіи, человѣкъ чистѣйшихъ намѣреній и желаній, обладающій вмѣстѣ съ тѣмъ обширнымъ умомъ, обнимающимъ всѣ науки и искусства. Его сужденія о политическихъ и научныхъ вопросахъ крайне цѣнны, разсудокъ непоколебимъ въ дѣлахъ обыденной жизни, характеръ тихъ и спокоенъ; видно, что онъ прошелъ школу несчастья. Онъ вполнѣ убѣдилъ меня, что всякая шумиха, какъ въ дѣйствіи, такъ и въ рѣчахъ, и въ писаніи—глупость, что истина и одна только истина можетъ быть прекрасна и привлекательна въ нашемъ вѣкѣ, что всѣ украшенія и цвѣты стиля—ничто, когда нѣтъ мысли; что все заключается въ этой мысли и что, желая быть теперь чѣмъ нибудь, нужно учиться и учиться и искать истины вездѣ, не давая обмануть себя блесткамъ, свѣтящимся нѣкоторое время, подобно свѣтлякамъ въ травѣ, а потомъ гаснущимъ навѣки. Встрѣча съ нимъ принесла мнѣ много добра и несомнѣнно будетъ имѣть вліяніе на дальнѣйшую мою жизнь, вліяніе доброе и благородное“. Въ этомъ отзывѣ много, конечно, юношескаго преувеличенія, но тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ значеніе, показывая, какое впечатлѣніе производилъ въ эту пору своей жизни Мицкевичъ на сближавшихся съ нимъ людей.

Во время путешествія Мицкевича по Швейцаріи въ Парижѣ вспыхнула іюльская революція, которую онъ, по словамъ его друзей, давно уже предсказывалъ. Не

ГПНБ

GP02298

нужно было быть пророкомъ, чтобы предвидѣть неизбѣжность столкновенія правительства Карла X-го съ народомъ; но поэтъ основывалъ свое убѣжденіе въ этой неизбѣжности не на внимательномъ изученіи политической жизни Франціи, а на инстинктивномъ сочувствіи къ Наполеонидамъ, начало котораго коренилось еще въ воспоминаніяхъ дѣтства. Тогда какъ въ самой Франціи никто почти еще и не думалъ о возстановленіи имперіи, онъ былъ убѣжденъ, что потомки Наполеона должны занять французскій тронъ, и это убѣжденіе не было разрушено и послѣдовавшими событіями. Между тѣмъ революція вынудила графа Анквича съ семействомъ уѣхать изъ Парижа. Въ Швейцаріи Анквичи встрѣтились съ Мицкевичемъ и провели вмѣстѣ нѣсколько дней. Ясно сказавшееся при этомъ чувство поэта къ Генріэттѣ вызвало наконецъ давно подготовлявшійся взрывъ со стороны графа и на пути въ Италію онъ объявилъ своей женѣ, покровительствовавшей своей дочери, что онъ скорѣе согласится видѣть послѣднюю въ гробу, чѣмъ женою Мицкевича. Для послѣдняго эта вспышка осталась пока неизвѣстной, но уже все обращеніе графа достаточно говорило о его нежеланіи имѣть Мицкевича своимъ зятемъ и поэтъ, возвратившись въ Римъ, сталъ избѣгать слишкомъ короткихъ отношеній съ графскимъ домомъ. Тѣмъ временемъ поэтъ рѣшилъ окончательно засвидѣтельствовать свой полный поворотъ къ католической церкви и съ этой цѣлью исповѣдывался и причастился въ Римѣ. Его мистически настроенный умъ немало поразило при этомъ, что, когда прямо изъ церкви онъ зашелъ къ Анквичамъ, ему разсказали дважды повторявшійся сонъ Генріэтты, въ которомъ она видѣла поэта, одѣтаго въ длинную бѣлую одежду, съ бѣлымъ ягненкомъ на рукахъ. Въ этомъ случаѣ онъ увидѣлъ лишнее доказательство святости таинства и существованія тайнаго сочувствія душъ.

Въ то время, какъ происходили эти событія въ личной жизни Мицкевича, готовилось въ политической

ЭР02298

жизни его народа событіе, имѣвшее глубокое вліяніе на всю послѣдующую дѣятельность значительной части польской интеллигенціи, въ томъ числѣ и самого поэта. Въ Царствѣ Польскомъ разразилось возстаніе и многіе изъ поляковъ, проживавшихъ за-границей, поспѣшили подъ его знамена. Этого же многіе ожидали и отъ Мицкевича, но онъ не спѣшилъ своимъ рѣшеніемъ. Онъ не ждалъ возстанія и не надѣялся на его успѣхъ; поэтому, несмотря на все свое сочувствіе къ возставшимъ, поэтъ медлилъ выѣздомъ изъ Рима. Выѣхавъ наконецъ отсюда, онъ отправился въ Парижъ, откуда надѣялся пробраться въ Польшу, но не успѣлъ въ этомъ и направился въ польскія провинціи Пруссіи, куда прибылъ однако уже слишкомъ поздно, когда переѣздъ границы сдѣлался невозможнымъ, благодаря строгой ея охранѣ, и самое возстаніе близилось уже къ своему концу. Мицкевичу пришлось быть только свидѣтелемъ отступленія за прусскую границу уцѣлѣвшихъ отрядовъ польскаго войска. Въ виду гибели національнаго дѣла онъ рѣшился никогда уже болѣе не возвращаться въ Россію и раздѣлить по крайней мѣрѣ судьбу изгнанника съ тѣми, съ кѣмъ не участвовалъ въ борьбѣ.

Съ этого момента началась для него жизнь эмигранта, тѣмъ болѣе тяжелая на первыхъ же порахъ, что крушенію надеждъ на независимость народа предшествовало разрушеніе личной его склонности и плановъ на будущее. Передъ выѣздомъ изъ Рима, не надѣясь сломить сопротивленіе графа Анквича, онъ отказался отъ всякой надежды на бракъ съ его дочерью и больше уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ этому. Быть можетъ такое рѣшеніе было слишкомъ поспѣшно и преждевременно и графъ позволилъ бы еще уговорить себя, но гордость поэта, человѣка бѣднаго, не дозволяла ему слишкомъ настойчиво добиваться руки богатой и знатной невѣсты.

Онъ поселился теперь въ Дрезденѣ, ставшемъ въ эту пору сборнымъ пунктомъ для большинства эми-

ЭР02298

грантовъ. Поэтъ не занималъ однако особенно виднаго мѣста среди послѣднихъ, уже потому, что онъ не участвовалъ активно въ послѣднихъ событіяхъ, и это послѣднее обстоятельство ставилось ему нѣкоторыми даже въ упрекъ. Когда, однажды, онъ замѣтилъ въ разговорѣ, что возставшимъ нужно было похоронить себя подъ развалинами Варшавы, а не отступать за границу, ему возразили: „сдѣлать это слѣдовало развѣ для того, чтобъ у васъ было одной развалиной больше, на которой можно было бы воспѣвать наше паденіе". Эти и подобныя замѣчанія, а равнымъ образомъ и раздоръ, открывшійся уже тогда въ средѣ польской эмиграціи, побуждали Мицкевича не выступать за предѣлы тѣснаго дружескаго кружка и онъ сдѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что въ это время онъ предпринялъ новый большой литературный трудъ, долженствовавшій, по его убѣжденію, служить продолженіемъ той борьбы, которая начата была возстаніемъ. Трудомъ этимъ была 3-ья часть „Дзядовъ", имѣвшая впрочемъ съ 2-ой и 4-ою общаго только одно имя. Въ ней представлялись событія въ Вильнѣ 1823—24 гг., арестъ филаретовъ и слѣдствіе Новосильцова, причемъ всѣ политическія страсти возстанія были перенесены въ эту эпоху. Въ произведеніи этомъ ярко выразился талантъ Мицкевича, но въ немъ сказалось и господствующее религіозное настроеніе поэта, возлагающаго на Бога рѣшеніе всѣхъ политическихъ задачъ своего вѣка: правовѣрность поэта въ этомъ отношеніи доходила уже до такой степени, что онъ не усумнился помѣстить въ свое произведеніе сцену изгнанія нечистаго духа.

Обстоятельства европейской политики, отнимавшія у эмигрантовъ почти всякую надежду на помощь со стороны какого-либо государства, содѣйствовали и усиленію среди нихъ пылкаго религіознаго чувства, искавшаго и чаявшаго чудесъ и вдохновеній, и Мицкевичъ, уже въ Римѣ торжественно признавшій католицизмъ, сдѣлался теперь открытымъ проповѣдникомъ его. По его мнѣнію,

ЭР02298

поляки должны были придать своему движенію религіозно-нравственный характеръ, положивъ въ основу его католицизмъ. Эти мнѣнія естественно ставили его въ оппозицію либерализму, который онъ презрительно называлъ „финансовымъ“. Съ другой стороны то униженіе, въ которое повергла польскую эмиграцію неудача возстанія, вызывало въ свою очередь реакцію, стремленіе оправдать себя высотою своихъ цѣлей, недостижимыхъ именно вслѣдствіе ихъ высоты, и у Мицкевича начинаетъ мелькать идея мессіанизма. „Можетъ быть, говоритъ онъ въ письмѣ къ Лелевелю, нашъ народъ призванъ повѣдать другимъ евангеліе народности, нравственности и религіи, презрѣнія къ бюджетамъ, единственному принципу нынѣшней поистинѣ таможенной политики. Самые ученые французы—поясняетъ онъ далѣе свою мысль—не чувствуютъ ни патріотизма, ни энтузіазма къ свободѣ, они только *разсуждаютъ* объ немъ“.

Несмотря однако на этотъ нелестный отзывъ о французахъ, Мицкевичъ вскорѣ отправился въ Парижъ, такъ какъ съ одной стороны ему нужно было позаботиться о напечатаніи оконченной 3-й части „Дзядовъ“, а съ другой—саксонское правительство начинало явно выказывать неохоту терпѣть долѣе пребываніе въ своихъ границахъ значительнаго количества эмигрантовъ.

Ко времени прибытія Мицкевича въ Парижъ тамъ собрались уже всѣ болѣе видные представители эмиграціи, дѣлившіеся главнымъ образомъ на двѣ партіи—аристократовъ и демократовъ. Горячая вражда обѣихъ партій, взаимныя обвиненія, масса самыхъ несбыточныхъ плановъ и надеждъ, находившихъ однако послѣдователей,—вотъ что встрѣтилъ главнымъ образомъ здѣсь Мицкевичъ. Оторванные отъ почвы дѣйствительной жизни, эмигранты жили мечтами, и чѣмъ мрачнѣе и неприглядиѣе была дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе разыгрывалась ихъ фантазія, жадно воспринимавшая самыя неясныя и неопредѣленныя надежды. Мицкевичъ, по складу сво-

ЭР02298

ихъ убѣжденій, не подходилъ ни къ одной изъ главныхъ партій, на которыя раздѣлялась эмиграція: демократъ, хотя и не вполнѣ послѣдовательный, и революціонеръ по своимъ политическимъ взглядамъ, онъ въ то же время былъ ревностнымъ сторонникомъ папства и католичества—и это отталкивало отъ него Лелевеля и другихъ демократовъ, тогда какъ аристократы пугались его крайнихъ предложеній.

Очутившись такимъ образомъ въ сторонѣ отъ этихъ партій, поэтъ не думалъ однако отказываться отъ вліянія и голоса въ политическихъ дѣлахъ эмиграціи, а напротивъ самымъ ревностнымъ образомъ защищалъ и устно, и въ печати свою точку зрѣнія, въ силу которой въ основу рѣшенія польскаго вопроса долженъ быть положенъ религіозный интересъ. Развитіе этого положенія подъ вліяніемъ все усиливавшагося мистицизма повело его къ отрицанію европейской науки и всей цивилизаціи, какъ порожденій исключительно-эгоистическаго начала. Какъ прежде въ первыхъ своихъ романтическихъ произведеніяхъ, онъ противупоставлялъ даннымъ точной науки вѣру толпы, такъ теперь еще рѣзче онъ всей цивилизаціи противопоставилъ религіозное чувство народа, которое одно, по его мнѣнію, сохранило въ себѣ истину. За этимъ необходимо являлся уже и дальнѣйшій выводъ, что народъ, сохранившій эту истину, долженъ будетъ внести ее и въ жизнь всего человѣчества, замѣнивъ ею старыя, узкія формы жизни. Возстановленіе Польши должно было знаменовать собою возрожденіе справедливости въ человѣческихъ и народныхъ отношеніяхъ и—одно не могло совершиться безъ другого.

Эти воззрѣнія, въ которыхъ народный мессіанизмъ игралъ уже весьма видную и замѣтную роль, были высказаны поэтомъ въ двухъ поэтическихъ произведеніяхъ, написанныхъ въ видѣ подражанія Библіи, „Книгахъ польскаго народа“ и „Книгахъ польскаго пилигримства“, а также въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей, но сперва они не завоевали сочувствія эмигрантовъ,

ЭР02298

тѣмъ болѣе, что соединялись съ самою удивительною по своимъ аргументамъ критикою существующихъ европейскихъ порядковъ и съ такими практическими указаніями и совѣтами, негодность которыхъ била въ глаза. Мицкевичъ предлагалъ, напримѣръ, собрать въ Парижѣ оставшихся депутатовъ варшавскаго сейма и провозгласить это собраніе представителемъ всѣхъ народовъ, такъ какъ всѣ остальныя представительныя собранія выбраны при дѣйствіи старыхъ, негодныхъ идей. За такимъ провозглашеніемъ должно было, по его мнѣнію, почти само собою послѣдовать и утвержденіе новаго порядка, при которомъ интересы всѣхъ угнетенныхъ національностей нашли бы себѣ удовлетвореніе.

Лишь позже, когда постоянныя неудачи и жизнь на чужбинѣ развили въ эмиграціи до высочайшей степени страстную мечтательность, привились къ ней и взгляды Мицкевича, имѣвшіе своимъ источникомъ съ одной стороны романтическое пониманіе народности, съ другой — религіозный мистицизмъ. Теперь же гораздо болѣе радушный и восторженный пріемъ встрѣтила вышедшая тѣмъ временемъ въ свѣтъ третья часть „Дзядовъ“. Но, восторженно принятое публикой, это произведеніе надолго поссорило Мицкевича съ другимъ пріобрѣвшимъ уже извѣстность польскимъ поэтомъ, Словацкимъ. Дѣло въ томъ, что Мицкевичъ въ своей поэмѣ выставилъ въ низкой роли доносчика подъ весьма прозрачнымъ прикрытіемъ вотчима Словацкаго, проф. Бэкю, про котораго дѣйствительно, хотя и не основательно, ходили такіе слухи, но съ которымъ сверхъ того у поэта были и личные счеты. Взбѣшенный Словацкій, также находившійся въ Парижѣ въ числѣ эмигрантовъ, хотѣлъ было вызвать Мицкевича на дуэль; но друзья убѣдили его не дѣлать этого и тогда онъ уѣхалъ въ Швейцарію, чтобы по крайней мѣрѣ не встрѣчаться съ оскорбившимъ его человѣкомъ.

Между тѣмъ личное положеніе Мицкевича, несмотря

ЭР02298

на новый литературный успѣхъ, доставленный ему третьей частью „Дзядовъ“, было очень тяжело и въ матеріальномъ, и нравственномъ отношеніяхъ. Средства къ жизни онъ получалъ сперва исключительно отъ изданія своихъ сочиненій, но вскорѣ уже оказалось, что этого источника крайне недостаточно, и ему пришлось прибѣгнуть къ переводамъ и другимъ литературнымъ работамъ второго разбора. Постоянные же раздоры въ средѣ эмигрантовъ, ихъ волненія и споры, наконецъ неуспѣхъ его политической проповѣди, въ истинности которой онъ былъ глубоко и страстно убѣжденъ, все это мучило его и доводило почти до болѣзненнаго разстройства. Къ этому присоединился и еще одинъ ударъ: одинъ изъ друзей его и вмѣстѣ молодой поэтъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ его, Стефанъ Гарчинскій, съ которымъ онъ впервые познакомился въ Берлинѣ, заболѣлъ чахоткою. Мицкевичъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Швейцарію, воздухъ которой могъ хотя на короткое время продлить жизнь больного, затѣмъ переѣхалъ съ нимъ въ южную Францію и оставался съ Гарчинскимъ до самой смерти его, послѣдовавшей осенью 1833 года. Не говоря уже о потерѣ друга, Мицкевичъ за время его болѣзни истратилъ всѣ свои сбереженія, а уходъ за больнымъ совершенно почти подорвалъ его и безъ того ослабленныя силы. Возвращаясь въ Парижъ, онъ писалъ друзьямъ: „я похожъ теперь на француза, возвращающагося съ войны 1812 года: деморализованный, слабый, совершенно оборванный, почти безъ сапогъ. До сихъ поръ я ни о чемъ не могу думать, но современемъ отдохну и, надѣюсь, вернется и здоровье“.

Въ такой-то обстановкѣ писалось за это время Мицкевичемъ величайшее его созданье, въ которомъ его талантъ достигъ высшей точки своего развитія, — „Панъ Тадеушъ“. Поэтъ началъ его еще въ декабрѣ 1832 года и продолжалъ, съ рѣдкими перерывами, вызывавшимися лишь нуждой въ немедленномъ зара-

ЭР02298

боткѣ или же обиліемъ другихъ дѣлъ, какъ это было во время болѣзни Гарчинскаго, вплоть до февраля 1834 года. Среди неудачъ, печали и скорби настоящаго, окутаннаго почти безпросвѣтнымъ мракомъ, поэтъ находилъ утѣшеніе и бодрость въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ, о дѣтствѣ и юности, проведенныхъ на родинѣ, переносясь мыслію на эту послѣднюю и оживляя ее передъ собою силою поэтическаго воображенія. Умъ, уставшій отъ шумныхъ споровъ политическихъ партій, отъ крикливой безладицы эмигрантской жизни, охотно отдыхалъ на мирныхъ картинахъ тихой природы и деревенской обстановки. Это настроеніе, подъ вліяніемъ котораго создавалась поэма, ярко и сознательно выражено Мицкевичемъ въ его чудномъ „Вступленіи“. „О чемъ здѣсь думать, на парижской мостовой,—говоритъ онъ,—слыша вокругъ стукъ, проклятія и ложь, несвоевременные планы, слишкомъ поздніе сожалѣнія, унизительныя ссоры?..“ Поэтъ знаетъ, что это послѣдствія народнаго несчастія и тяжелаго положенія эмигрантовъ, въ которомъ единственное возможное для нихъ счастье—„запереть двери отъ шума Европы, унестись мыслью въ болѣе счастливыя времена и думать, мечтать о своей странѣ“. „Теперь для насъ, говоритъ онъ, непрошенныхъ гостей въ свѣтѣ, во всемъ прошедшемъ и во всей будущности есть теперь только одинъ край, въ которомъ есть немного счастья для поляка: край дѣтскихъ лѣтъ“. И, переносясь мысленно въ этотъ край, „святой и чистый, какъ первая любовь“, въ которомъ онъ „рѣдко плакалъ и никогда не тосковалъ“, поэтъ находилъ въ немъ утѣшеніе и даже надежду, которой не давала ему печальная дѣйствительность. Благодаря именно такому значенію произведенія для самого его творца, Мицкевичъ погрузился въ работу надъ нимъ со всею энергіею и усидчивостью, на какія онъ былъ способенъ. Первоначально планъ „Пана Тадеуша“ былъ значительно скромнѣе, но по мѣрѣ хода работы онъ все болѣе разростался, пока поэма отъ задуманныхъ сначала четырехъ пѣсенъ

ЭР02298

не дошла до двѣнадцати. Самъ Мицкевичъ въ первыхъ своихъ письмахъ объ этомъ произведеніи опредѣлялъ его, какъ „сельскую поэму вродѣ Германа и Доротеи“, и сообщалъ, что писаніе влечетъ его къ себѣ неудержимо, что оно „несказанно радовало его, перенося въ милую родину“.

Лѣтомъ 1834 года „Панъ Тадеушъ“ появился въ свѣтъ и доставилъ своему творцу громадный тріумфъ. Впечатлѣніе, произведенное этой поэмой, въ которой Мицкевичъ, освободившись уже отъ всякаго увлеченія романтизмомъ и байронизмомъ, далъ спокойный и ясный шляхетскій эпосъ, было необыкновенно. Словацкій, прочтя поэму, призналъ великій талантъ Мицкевича, надъ которымъ онъ передъ тѣмъ смѣялся, и забылъ даже нанесенное ему оскорбленіе, а польская критика единогласно провозгласила „Пана Тадеуша“ величайшимъ произведеніемъ своей литературы.

Но въ то время, какъ поэма находила восторженный пріемъ въ публикѣ, самъ творецъ ея былъ ею уже недоволенъ, и это недовольство проистекало не изъ авторской скромности, не изъ какихъ либо частныхъ недостатковъ произведенія, а отъ причинъ болѣе важныхъ— завершавшагося въ это время серьезнаго перелома въ его міросозерцаніи. То реалистическое воззрѣніе, которымъ проникнутъ „Панъ Тадеушъ“, недолго осталось господствующимъ въ душѣ поэта и все болѣе вытѣснялось мистицизмомъ, оживившимъ благодаря несчастно складывавшимся обстоятельствамъ. Едва кончивъ поэму, Мицкевичъ писалъ Одынцу: „вчера я кончилъ Тадеуша— огромныя двѣнадцать пѣсенъ; много пустого, но много и хорошаго... Пера я, кажется, никогда уже не обращу на пустяки,можетъ быть я и Тадеуша бросилъ бы,но онъ былъ близокъ къ концу. Кончилъ я съ трудомъ, потому что духъ порывалъ меня въ другую сторону, къ дальнѣйшимъ Дзядамъ, изъ которыхъ я намѣренъ сдѣлать единственное произведеніе мое, достойное чтенія... Я убѣждаюсь, прибавляетъ онъ, что слишкомъ много жилось и работалось

ЭР02298

для міра сего, для пустыхъ похвалъ и мелкихъ цѣлей. Только то произведеніе чего нибудь стоитъ, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ исправиться и научиться мудрости". Нравственныя задачи такимъ образомъ открыто ставились Мицкевичемъ цѣлью искусства, но этотъ принципъ признавался имъ еще и раньше, въ пору юности, и не въ томъ заключался поворотъ въ воззрѣніяхъ поэта, а въ томъ, что подъ вліяніемъ охватившаго его настроенія эти нравственныя задачи съ одной стороны сильно съузились, съ другой же—приняли такой характеръ, при которомъ достиженіе ихъ съ помощью искусства дѣлалось невозможнымъ, такъ какъ онѣ чуть не прямо противополагались послѣднему. И по мѣрѣ того, какъ мистическія идеи все болѣе овладѣвали поэтомъ, все рѣже и рѣже появлялись у него вспышки поэтическаго вдохновенія, ставшаго теперь рѣдкимъ гостемъ. Густой туманъ мистицизма, на время пробитый, какъ бы солнечнымъ лучемъ, созданіемъ „Пана Тадеуша", вслѣдъ за тѣмъ опять, уже сплошною пеленою, спускается на жизнь Мицкевича, постепено превращая его изъ великаго поэта въ узкаго и нетерпимаго фанатика и сектанта. Весь остальной періодъ жизни Мицкевича былъ занятъ этимъ превращеніемъ, благопріятныя условія для котораго находились и въ организаціи самого поэта, и еще болѣе въ окружавшей его обстановкѣ.

ЭР02298

V.

Мистическія увлеченія.

Женитьба Мицкевича.—Неудача его на драматическомъ поприщѣ. Ослабленіе творческой силы.—Профессура въ Лозанской академіи.—Каѳедра славянскихъ литературъ въ Collége de France.—А. Товянскій и его мистическое ученіе.—Мицкевичъ дѣлается проповѣдникомъ товянизма.—Его удаляютъ съ профессорской каѳедры.

Вскорѣ послѣ изданія „Пана Тадеуша“ въ семейной жизни Мицкевича произошла довольно существенная перемѣна. Наскучивъ холостой жизнью, онъ задумалъ жениться и выборъ его палъ на Селину Шимановскую, ту самую, которую онъ еще дѣвочкой зналъ у ея матери въ Москвѣ и Петербургѣ. Шимановская приняла сдѣланное ей письменно предложеніе Мицкевича, пріѣхала въ Парижъ, и здѣсь въ половинѣ 1834 года состоялась ихъ свадьба, прекратившая на нѣсколько дней въ средѣ эмиграціи, по словамъ поэта, политическія пренія. Бракъ этотъ, само собою разумѣется, былъ заключенъ не по любви, по крайней мѣрѣ со стороны поэта, который не видалъ выбранной имъ невѣсты со времени своего отъѣзда изъ Петербурга, когда ей было 15 лѣтъ, но тѣмъ не менѣе первое время супруги жили счастливо. Веселый характеръ молодой жены нѣсколько разгонялъ и умѣрялъ мрачное настроеніе поэта, и послѣ трехъ недѣль супружеской жизни онъ писалъ друзьямъ, что его желанія заключаются лишь въ томъ, чтобы и впредь пользоваться такимъ же счастьемъ.

ЭР02298

Вскорѣ однако выступили на видъ и менѣе пріятныя стороны супружества, заключавшіяся главнымъ образомъ въ увеличеніи потребностей. Несмотря на всю неприхотливость и экономію Селины, тѣхъ маленькихъ средствъ, какія получалъ Мицкевичъ отъ изданія своихъ сочиненій и которыхъ было вполнѣ достаточно для него одного, нехватало теперь для жизни вдвоемъ. Приходилось искать какихъ-нибудь средствъ заработка и всего естественнѣе конечно было искать ихъ въ литературномъ трудѣ. Поэтъ не чувствовалъ однако вдохновенія и не рѣшался приступить къ исполненію какого-либо поэтическаго замысла на польскомъ языкѣ. Онъ нашелъ выходъ изъ этого затрудненія, начавъ писать статьи и небольшія повѣсти на французскомъ языкѣ, которыя и помѣщалъ затѣмъ въ парижскихъ журналахъ. Но такъ какъ эти мелкія работы давали очень небольшой доходъ, а нужда въ заработкѣ не только не уменьшалась, но, съ рожденіемъ дочери, еще увеличилась, то у него явился вскорѣ болѣе обширный планъ. Онъ задумалъ попробовать свои силы въ драматическомъ родѣ и дѣйствительно написалъ по французски пяти-актную драму „Барскіе конфедераты“. Главною цѣлью его при этомъ была, по выраженію его письма, „великая финансовая афера“: драматическія произведенія въ Парижѣ давали въ то время своимъ авторамъ въ большинствѣ очень крупный доходъ и Мицкевичу хотѣлось добыть себѣ своимъ трудомъ большее или меньшее обезпеченіе съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность, говоря опять его словами, „долгое время спокойно блуждать по отечественной литературѣ“. Надежды однако же обманули его. Несмотря на лестные отзывы о его драмѣ нѣсколькихъ французскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ и извѣстной писательницы Жоржъ-Зандъ, дирекція театра Porte-Saint-Martin, куда та была отдана, отказалась поставить ее на сцену, ссылаясь, какъ кажется, на недостатокъ въ ней драматическаго дѣйствія. Сраженный неудачей,

ЭР02298

Мицкевичъ уже не возобновлялъ болѣе попытокъ и заброшенная имъ драма въ значительной своей части современемъ даже затерялась; сохранились только первые два акта ея.

Въ то время, какъ поэтъ испыталъ эту неудачу, грозившую для него весьма серьезными финансовыми затрудненіями, на помощь ему пришло французское правительство, назначившее ему единовременное пособіе въ тысячу франковъ и восемьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ постоянной пенсіи. Эта скудная помощь не могла однако считаться лишней для поэта особенно когда лѣтомъ 1838 года къ его семейству прибавился новый ребенокъ — на этотъ разъ сынъ, — но тѣмъ не менѣе она конечно не избавляла Мицкевича отъ необходимости обезпечить своей семьѣ какимъ-либо путемъ болѣе или менѣе безбѣдное существованіе. Среди этихъ заботъ о кускѣ хлѣба онъ искалъ и находилъ нѣкоторое утѣшеніе только въ религіи и чтеніи мистическихъ книгъ, которому предавался все съ большимъ жаромъ. Инстинктъ творчества постепенно ослабѣвалъ у него и вмѣстѣ съ тѣмъ самые взгляды на поэзію подвергались радикальному измѣненію.

„Истинная поэзія нашего времени, писалъ онъ въ 1835 году одному изъ пріятелей, можетъ быть еще не народилась; видны только симптомы ея появленія... Мнѣ кажется, что вернутся такія времена, когда нужно будетъ быть святымъ, чтобы быть поэтомъ, что нужны будутъ вдохновеніе и свѣдѣнія свыше о вещахъ, которыхъ разумъ не можетъ сообщить, чтобы пробудить въ людяхъ уваженіе къ искусству, слишкомъ долго бывшему актрисой, распутницей или политической газетой. Эти мысли часто пробуждаютъ во мнѣ сожалѣніе и едва не тоску; мнѣ часто кажется, что я вижу обѣтованную землю поэзіи, какъ Моисей съ горы, но я чувствую, что недостоинъ вступить въ нее“.

Въ этихъ словахъ опять таки есть значительное сход-

ЭР02298

ство со взглядами на высокое этическое назначеніе поэзіи, высказывавшимися Мицкевичемъ въ юности; однако между тѣмъ и другимъ воззрѣніемъ лежитъ цѣлая пропасть. Если раньше Мицкевичъ понималъ это нравственное назначеніе поэта, какъ свободное его самоопредѣленіе, то теперь оно втискивалось имъ въ условныя рамки оффиціальной церкви и пріобрѣтало сверхъестественный, неземной характеръ.

Но душевный процессъ, переживавшійся Мицкевичемъ, происходилъ не въ немъ одномъ. Отчаянное положеніе польской эмиграціи во Франціи и постепенная потеря, по мѣрѣ того, какъ длилось это положеніе, надежды на выходъ изъ него при помощи обыкновенныхъ путей, пробудили во многихъ эмигрантахъ, даже причислявшихся ранѣе къ вольномыслящимъ демократамъ, сѣмена мистической религіозности, зароненныя въ нихъ католическимъ воспитаніемъ. Мицкевичъ увидѣлъ теперь себя не одинокимъ, какъ прежде, въ своемъ настроеніи; ему удалось даже основать религіозное общество въ духѣ строгаго католицизма, которому дано было названіе „Соединенныхъ Братьевъ“ и члены котораго, обязываясь вести строго-нравственную жизнь, въ то же время усердно предавались чтенію и переводу мистическихъ сочиненій, вродѣ Сенъ-Мартена и Діонисія Ареопагита. Нѣкоторые изъ членовъ этого общества, основаннаго въ концѣ 1834 года, сдѣлались впослѣдствіи учредителями извѣстнаго ордена „Змартвыхвстанцевъ“. И духовное единеніе съ людьми одинаково настроенными, и жизненныя неудачи способствовали тому, что Мицкевичъ все глубже и глубже уходилъ въ мистицизмъ. Его вѣра во все чудесное достигла такихъ размѣровъ, что онъ съ цѣлью узнать будущее не усумнился отправиться къ извѣстной ясновидящей Парранъ и подъ большимъ секретомъ передавалъ въ письмахъ друзьямъ ея пророчества, вродѣ того, что скоро должны произойти большіе политическіе перевороты, кото-

ВГБЛ

ЭР02298

рые начнутся съ Польши, причемъ изъ этой страны выйдетъ политическій мессія народовъ.

Уклоняясь отъ споровъ политическихъ партій эмиграціи въ Парижѣ, Мицкевичъ и его единомышленники искали однако въ своемъ религіозномъ увлеченіи того же самаго, что осуждаемые ими „политиканы“ въ помощи другихъ державъ и въ разныхъ политическихъ системахъ,—пути къ возстановленію независимости страны. И тѣ, и другіе одинаково ожидали этого возстановленія отъ посторонняго вмѣшательства: только одни хотѣли вмѣшательства Франціи или какого-либо другого западнаго государства, а другіе—неба. Политики усматривали въ воззрѣніяхъ Мицкевича враждебный имъ клерикализмъ и это произвело охлажденіе между нимъ и многими его прежними друзьями.

Тѣмъ временемъ поэту представилась возможность занятія, которое если и не вполнѣ соотвѣтствовало его наклонностямъ, то по крайней мѣрѣ позволяло устранить грозившую семьѣ нужду. Въ лозанской академіи въ Швейцаріи освободилась въ 1838 г. каѳедра латинской литературы. Мицкевичъ рѣшился предложить себя въ качествѣ кандидата на нее, отправился въ Швейцарію и съ помощью нѣкоторыхъ знакомыхъ успѣлъ уже почти добиться благопріятнаго результата, когда получилъ извѣстіе, что жена его, остававшаяся съ дѣтьми въ Парижѣ, сошла съума. Бросивъ всѣ хлопоты въ Швейцаріи, онъ поспѣшилъ въ Парижъ, гдѣ помѣстилъ жену въ больницу и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ тяжелымъ чувствомъ ожидалъ ея выздоровленія. Лишь послѣ него онъ возобновилъ старанія о мѣстѣ въ Лозанѣ и на этотъ разъ они увѣнчались окончательнымъ успѣхомъ; онъ былъ назначенъ въ 1839 году экстраординарнымъ профессоромъ лозанской академіи по каѳедрѣ римской литературы, съ обязательствомъ читать двѣ лекціи въ недѣлю въ академіи и четыре въ гимназіи и съ содержаніемъ въ 2,700 франковъ.

ЭР02298

Вмѣстѣ съ семьею онъ переселился теперь въ Лозанну и ревностно отдался занятіямъ классической филологіей, тѣмъ болѣе необходимымъ для него, что съ пребыванія своего въ университетѣ онъ не занимался этою дисциплиной. По природѣ своей, Мицкевичъ не только не былъ педагогомъ, но учительскія занятія даже въ юности были ему тягостны. Еще менѣе былъ онъ ученымъ, хотя и обладалъ довольно обширными знаніями въ области литературы. Но, разъ взявшись за педагогическій трудъ, онъ хотѣлъ уже отнестись къ нему добросовѣстно и почти все свое свободное время употреблялъ на чтеніе древнихъ авторовъ и различныхъ пособій. Естественно, оно не могло доставить ему теперь недостававшей учености, пополняя лишь отдѣльные пробѣлы въ его свѣдѣніяхъ, но тѣмъ не менѣе другія свойства его лекцій — блестящее и оригинальное краснорѣчіе, богатое мыслями изложеніе, ясное пониманіе общаго хода развитія римской литературы и значенія ея въ литературѣ всеобщей, — пріобрѣли ему популярность среди слушателей академіи.

Долго оставаться въ Лозаннѣ поэту однако не пришлось. Вскорѣ другое дѣло, болѣе для него близкое и важное, вызвало его опять въ Парижъ...

Французское правительство задумало въ 1840 году открыть въ Collège de France каѳедру славянскихъ литературъ, которую и думало поручить Мицкевичу. Друзья убѣждали его принять это предложеніе, опасаясь, что въ случаѣ его отказа каѳедра можетъ достаться какому-нибудь нѣмцу, можетъ быть врагу польской національности. Нѣкоторое время поэтъ колебался: ему видимо не хотѣлось опять очутиться въ Парижѣ, этомъ бурномъ политическомъ водоворотѣ, а между тѣмъ швейцарское правительство, желая удержать его, назначило его ординарнымъ профессоромъ и повысило его жалованье до 3,000 франковъ. Но въ концѣ концовъ Мицкевичъ рѣшился ѣхать въ Парижъ и на оффи-

ЭР02298

ціальное предложеніе французскаго министра Виктора Кузена занять каѳедру въ Collége de France отвѣчалъ выраженіемъ своего согласія.

Осенью 1840 года прибылъ онъ въ Парижъ и, промедливъ около двухъ мѣсяцевъ, которые употребилъ на приготовленіе къ курсу, въ декабрѣ началъ свои лекціи. И эти лекціи поэта, какъ и лозанскія, не могли блистать ученостью. Изъ всѣхъ славянскихъ литературъ онъ зналъ, за исключеніемъ польской, только русскую до 30-хъ годовъ, да отчасти чешскую; съ южно-славянскими же литературами онъ совсѣмъ не былъ знакомъ и изучалъ ихъ уже во время самаго курса. Польская литература конечно заняла въ его изложеніи центральное мѣсто, относительно же другихъ онъ высказывалъ лишь бѣглыя замѣчанія или придавалъ ихъ явленіямъ ложное освѣщеніе. Публика, посѣщавшая эти лекціи и состоявшая преимущественно изъ французовъ и поляковъ, въ громадномъ большинствѣ не обладала необходимыми знаніями, чтобы замѣтить эти недостатки, а ораторскій талантъ Мицкевича дѣйствовалъ на нее притягательно. Французы по большей части остались довольны лекціями новаго профессора, но опасность для него возникла съ той стороны, откуда онъ ее совсѣмъ не ожидалъ—со стороны его соотечественниковъ-эмигрантовъ. Занятые исключительно своимъ политическимъ положеніемъ, они нетолько ждали отъ Мицкевича, что онъ обратитъ свой курсъ на служеніе ему, но и искали въ этомъ курсѣ указаній на то, къ какой партіи причисляетъ себя его авторъ. „Наши, писалъ Мицкевичъ, ходятъ на мой курсъ, но для того, чтобы узнать, какой я партіи: аристократъ или демократъ? и сердятся, что я не говорю имъ о политикѣ".

Въ это же время произошла вторая ссора Мицкевича съ Словацкимъ по слѣдующему поводу. Послѣ первой лекціи Мицкевича друзья устроили въ честь его ужинъ, въ числѣ участниковъ котораго находился и Слоцацкій. На

ЭР02298

этомъ ужинѣ онъ выступилъ съ импровизаціей, въ которой между прочимъ жаловался, что родина не отдаетъ справедливости его таланту, причемъ онъ признавалъ однако преимущество Мицкевича. Послѣдній, возбужденный впечатлѣніями дня, отвѣчалъ блестящей импровизаціей, сильно подѣйствовавшей на слушателей: въ ней онъ признавалъ достоинства поэзіи Словацкаго, но указывалъ, какъ на основной недостатокъ ея, на отсутствіе христіанской любви, безъ которой не можетъ быть истинной поэзіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой импровизаціи объ ней начали ходить преувеличенные слухи,—говорили, будто Мицкевичъ отказалъ Словацкому въ названіи поэта. Когда же участники ужина рѣшили въ память его поднести Мицкевичу кубокъ и возложили эту обязанность на Словацкаго, это стали истолковывать какъ бы признаніемъ со стороны Словацкаго своего вассальства по отношенію къ Мицкевичу. Когда эти слухи проникли и въ печать, а Мицкевичъ не дѣлалъ ничего, чтобы опровергнуть ихъ, гордость и оскорбленное самолюбіе заговорили въ Словацкомъ: онъ прервалъ всякія сношенія съ соперникомъ и отомстилъ ему, прибавивъ нѣсколько ядовитыхъ стиховъ по его адресу къ писавшейся тогда своей поэмѣ: „Беньовскій“. Среди такихъ натянутыхъ отношеній прошелъ первый годъ лекцій Мицкевича въ Collége de France, окончившихся тѣмъ не менѣе благополучно. Но прежде чѣмъ начался второй годъ ихъ, въ жизни профессора-поэта произошли факты, окончательно завершившіе собою издавна подготовлявшійся душевный переломъ Мицкевича и заставившіе его не только обнаружить, но и усердно проповѣдывать тѣ мистическія воззрѣнія, которыя до сихъ поръ составляли болѣе или менѣе личное его дѣло. Такимъ фактомъ было обращеніе поэта въ секту, прозванную по имени своего основателя, „товянизмомъ“.

Андрей Товянскій сыгралъ такую видную роль въ жизни не только одного Мицкевича, но и многихъ его

ЭР02298

современниковъ, что на личности его стоитъ нѣсколько остановиться. Уроженецъ Литвы, сынъ небогатыхъ родителей, онъ окончилъ виленскую гимназію въ 1815 году, но не могъ продолжать образованія по болѣзни глазъ. Вынужденный такимъ образомъ къ нѣкотораго рода умственному бездѣйствію, юноша сталъ предаваться тѣмъ отвлеченнымъ размышленіямъ религіозно-мистическаго свойства, которыя были тогда въ такомъ ходу среди образованнаго и полуобразованнаго общества, и вскорѣ пристрастился къ нимъ до такой степени, что они сдѣлались для него необходимою потребностью. Въ мистицизмѣ, поскольку онъ конечно не напускной, есть нѣчто, похожее на дѣйствіе опіума. Разъ поддавшись ему, вкусивъ таинственнаго плода, человѣкъ уже не находитъ въ себѣ силы отказаться отъ него и идетъ все дальше по наклонной плоскости. Такъ было и съ Товянскимъ. Стремясь къ достиженію нравственнаго совершенства, онъ скоро во всѣхъ самыхъ мельчайшихъ фактахъ обыденной жизни сталъ искать указаній свыше и ему казалось, что онъ дѣйствительно получалъ ихъ. Самъ онъ разсказывалъ о себѣ: „не разъ я цѣлый день раздумывалъ, какъ должны быть сшиты сапоги, по нѣскольку часовъ проводилъ въ молитвѣ съ цѣлью узнать, какъ купить гвозди отцу на крышу, чтобы все это было *въ правдѣ*“. Поступивши затѣмъ на службу въ судъ, онъ и здѣсь при рѣшеніи дѣлъ примѣнялъ такой же способъ. „Когда я былъ чиновникомъ, разсказываетъ онъ, и затѣвалось какое-либо дѣло между крестьяниномъ и евреемъ, я просиживалъ утро въ костелѣ и потомъ нуженъ былъ величайшій трудъ, чтобы меня не сбили съ результата, какой я намѣтилъ себѣ въ молитвѣ“. При этомъ стремленіе къ совершенству находило у Товянскаго практическое выраженіе и въ другой сферѣ: получивъ по смерти отца небольшое имѣніе, онъ заботился объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ и пріобрѣлъ себѣ довѣріе и любовь не только ихъ и крестьянъ сосѣднихъ

ЭР02298

имѣній, но и евреевъ, привлеченныхъ его справедливостью и уваженіемъ къ ихъ религіи. Не одаренный отъ природы большой активной энергіей, Товянскій обладалъ однако значительной долей силы воли и терпѣнія. Убѣжденный въ безнравственности держанія прислуги, онъ пріучилъ свою жену, вполнѣ раздѣлявшую его взгляды, дѣлать все необходимое въ домѣ, а во время ея болѣзни, не боясь насмѣшекъ сослуживцевъ, самъ ходилъ на базаръ и готовилъ обѣдъ.

Таковъ былъ этотъ человѣкъ, когда ему пришла мысль, что онъ предназначенъ небомъ въ миссіонеры новаго ученія, долженствующаго преобразовать міръ. Самое это ученіе представлялось ему не вполнѣ ясно. Проповѣдь личной нравственности, достигаемой посредствомъ религіозно-мистическихъ упражненій, занимала въ немъ первое мѣсто, но къ этому присоединялись и туманныя предсказанія относительно готовящагося политическаго и общественнаго преобразованія, которое должно было, по мнѣнію Товянскаго, довершить дѣло, начатое еще Наполеономъ, причемъ этотъ послѣдній выставлялся какъ образецъ высоты человѣческаго духа. Такое воззрѣніе на Наполеона, какъ на явленіе получудесное, несомнѣнно находилось въ тѣсной связи со взглядомъ на него польскаго простого народа. Но, даже рѣшаясь выступить съ проповѣдью этого ученія, Товянскій не разрывалъ связи съ католическою церковью и не переставалъ считать себя вѣрнымъ ея послѣдователемъ. Не такъ взглянули на это другіе. Товянскій, сознавая, что у него нѣтъ качествъ, необходимыхъ для проповѣдника новаго ученія, рѣшился прежде всего склонить къ нему какое-нибудь пользующееся авторитетомъ лицо, а затѣмъ уже черезъ посредство его, какъ новаго Аарона, дѣйствовать на массу. Съ этою цѣлью онъ обращался послѣдовательно къ архіепископу познанскому Дунину и къ генералу Скржинецкому; но и тотъ, и

ЭР02298

другой, хотя съ уваженіемъ относились къ его личности, какъ человѣка нравственнаго и религіознаго, усмотрѣли однако въ его ученіи и проповѣдуемой имъ миссіи ересь и рѣшительно отказались признать ее. Тогда Товянскій рѣшилъ направиться къ Мицкевичу. Нужно замѣтить, что передъ этимъ, бывая заграницей. онъ познакомился въ Дрезденѣ съ Одынцемъ и много слышалъ отъ него о поэтѣ. Одынецъ разсказывалъ ему не только о настоящемъ Мицкевича, о его жизни и настроеніи, но сообщалъ и многія подробности изъ его прошлаго, относительно которыхъ самому Мицкевичу неизвѣстно было, что Одынецъ знаетъ ихъ, такъ какъ послѣдній слышалъ ихъ не непосредственно отъ поэта, а отъ болѣе близкихъ его друзей. Вѣроятно эти-то свѣдѣнія и натолкнули Товянскаго на мысль обратиться къ поэту, религіозное настроеніе котораго подавало надежду на принятіе имъ новаго ученія, а слава могла ручаться за успѣхъ пропаганды съ его именемъ. Между тѣмъ именно въ это время, лѣтомъ 1841 года, Мицкевича вторично посѣтило разъ уже испытанное имъ несчастье: жена его опять сошла съума и онъ долженъ былъ помѣстить ее въ больницу. Этимъ случаемъ и воспользовался Товянскій для своихъ цѣлей.

Въ іюлѣ 1841 года онъ явился къ Мицкевичу и, какъ бы впервые узнавши здѣсь отъ него о болѣзни его жены, сообщилъ ему какое-то средство для ея излеченія. Когда средство это подѣйствовало и Мицкевичъ привелъ выздоровѣвшую жену домой, Товянскій объявилъ ему о своей миссіи, причемъ, въ доказательство истины своихъ словъ, сообщилъ ему нѣкоторые факты изъ его же собственной жизни, остававшіеся тайной самого поэта и его ближайшихъ друзей. Факты эти могли быть ему извѣстны отъ Одынца, но Мицкевичъ конечно этого не подозрѣвалъ и увѣровалъ въ подлинность явившагося передъ нимъ пророка. Эта вѣра не была однако результатомъ мгновеннаго аф-

ЭР02298

фекта. Поэтъ былъ правъ до нѣкоторой степени, когда впослѣдствіи утверждалъ, что онъ предвидѣлъ и предчувствовалъ появленіе Товянскаго. Умъ его и воображеніе доведены были до болѣзненнаго разстройства всѣми несчастіями, личными и общественными, въ такомъ изобиліи падавшими на него; тоска по родинѣ съ теченіемъ времени принимала все болѣе страстный характеръ, а чтеніе мистическихъ сочиненій придавало этимъ чувствамъ опредѣленное направленіе, указывая для нихъ выходъ въ ожиданіи религіозно-нравственнаго переворота, который долженъ быть произведенъ въ мірѣ высшею силой.

Въ лицѣ Товянскаго предъ поэтомъ воплотился этотъ переворотъ и представленныя имъ доказательства могли имѣть для Мицкевича значеніе лишь по стольку, поскольку они подтверждали личность пророка, но не его ученіе. Съ другой стороны именно это ожиданіе и предвидѣніе новаго ученія само по себѣ должно было возбудить довѣріе къ тому, кто являлся его провозвѣстникомъ. Товянскій нашелъ въ Мицкевичѣ именно такого ученика и помощника, какого онъ искалъ,—глубоко и страстно увѣровавшаго въ призваніе своего учителя, въ его миссію, готоваго проповѣдывать его ученіе со всѣмъ пыломъ своей натуры. Воображеніе поэта дополняло и дорисовывало туманныя и неясныя стороны этого ученія, поскольку оно касалось общественной и политической жизни, и ему казалось, что давно ожидаемый имъ мигъ переворота уже наступилъ. Онъ писалъ письма къ друзьямъ, бывшимъ внѣ Парижа, приглашая ихъ пріѣхать сюда, извѣщая ихъ о появленіи „необыкновеннаго мужа“. Одного изъ своихъ пріятелей онъ уговаривалъ даже вернуться изъ Америки, куда тотъ уѣхалъ, и увѣрялъ его, что слышанное уже имъ отъ Товянскаго такъ чудно, „что стоило бы съѣздить въ Америку и вернуться изъ Америки, чтобы услыхать подобныя вещи“.

ЭР02298

Не ограничиваясь одними увѣщаніями друзей и знакомыхъ приступить къ новому ученію, Мицкевичъ вмѣстѣ съ Товянскимъ задумали повести пропаганду въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Съ этою цѣлью они нѣсколько разъ приглашали польскихъ эмигрантовъ въ парижскія церкви, гдѣ послѣ службы Мицкевичъ и самъ Товянскій обращались къ собравшимся съ проповѣдью новаго ученія и приглашеніемъ признать его. Такимъ путемъ дѣйствительно удалось пріобрѣсти нѣсколько сторонниковъ, но вскорѣ нельзя уже было пользоваться имъ для пропаганды, такъ какъ по распоряженію Парижскаго архіепископа подобныя проповѣди въ храмахъ были воспрещены. Пришлось на время отказаться отъ публичной пропаганды и ограничиться утвержденіемъ въ ученіи тѣхъ, которые уже признали его. Для этой цѣли служили еженедѣльныя собранія ихъ подъ предсѣдательствомъ сперва самого Товянскаго, а затѣмъ Мицкевича. Здѣсь излагалось и дополнялось ученіе, долженствовавшее преобразовать міръ, и здѣсь оно, какъ кажется, впервые приняло болѣе опредѣленную форму.

Согласно пониманію Товянскаго и его учениковъ вселенная представлялась населенною множествомъ духовъ злыхъ и добрыхъ, вѣчно борющихся между собою изъза власти надъ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ. Люди могутъ даже вступать въ общеніе съ этими духами какъ во снѣ, такъ и на яву при помощи видѣній, но это непосредственное общеніе съ невидимымъ міромъ можетъ быть достигнуто только тѣмъ, кто увѣровалъ въ Товянскаго и живетъ согласно его ученію. Задачей какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ и всего человѣчества является реализація „слова Божьяго“, достиженіе христіанскаго идеала, впервые поставленнаго и выполненнаго Христомъ, но не вошедшаго еще въ жизнь человѣчества. Вплоть до времени самого Товянскаго, по его мнѣнію, были воспринимаемы лишь однѣ формы христіанства, но не духъ

ЭР02298

его. Реформація не только не оказала услуги истинному христіанству, но еще унизила его, введя разумъ въ религію, которая можетъ быть постигаема однимъ чувствомъ. Только съ появленія Товянскаго, новаго мессіи, начинается въ исторіи человѣчества вторая эпоха, посвященная дѣйствительному осуществленію христіанства и проведенію его въ жизнь, какъ частную, такъ и общественную. Но у этой эпохи былъ свой предвозвѣстникъ, и это былъ ни кто иной, какъ Наполеонъ. Эта апоѳеоза Наполеона, перешедшее въ ученье Товянскаго изъ воззрѣнія польскаго простонародья, какъ нельзя болѣе пришлось по душѣ Мицкевичу, который, подобно многимъ полякамъ, относился къ французскому императору съ благоговѣйнымъ почтеніемъ. Но Наполеонъ, по ученію Товянскаго, не выполнилъ возложеннаго на него призванія и палъ, такъ какъ вздумалъ бороться съ Англіей на поприщѣ торговли, для которой французы уже слишкомъ зрѣлы.

Нужно замѣтить, что, съ точки зрѣнія Товянскаго, вся современная ему цивилизація являлась порожденіемъ грѣха; поэтому и промышленность, и наука являлись занятіями, возможными лишь для тѣхъ народовъ, которые еще находятся въ періодѣ младенчества, еще не созрѣли для „Божьяго дѣла", но не для французовъ, поляковъ и евреевъ, трехъ народовъ, выдѣлявшихся имъ изъ всего человѣчества, какъ избранныхъ Богомъ. На нихъ главнымъ образомъ лежитъ обязанность начать новую эру въ исторіи и къ нимъ и обращалъ Товянскій свою проповѣдь. Принявшіе ее должны были стремиться къ душевной экзальтаціи, которая давала бы имъ въ свою очередь возможность вліять на другихъ и внушать имъ идеи Товянскаго. Это душевное состояніе обозначалось у послѣдователей Товянскаго словомъ: *тонъ*, причемъ горячность къ дѣлу и сильная экзальтація обозначались, какъ повышеніе тона, а проявленіе равнодушія,—какъ его пониженіе. Средствомъ же къ достиженію экзальти-

ЭР02298

рованнаго состоянія служили частью молитва и пилигримство въ считавшіяся священными мѣста, частью чтеніе мистическихъ сочиненій.

Такое неясное и туманное ученіе, полагавшее всю дѣятельность человѣка въ одномъ чувствѣ и отрицавшее всѣ пріобрѣтенія разума, не ставя въ то же время ясно сознанной и вполнѣ опредѣленной цѣли, не могло пріобрѣсти себѣ большого числа сторонниковъ и дѣйствительно за нѣсколько первыхъ мѣсяцевъ пропаганды количество послѣдователей Товянскаго едва дошло до нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Большинство ихъ были люди необразованные, бывшіе солдаты возстанья, проживавшіе въ Парижѣ безъ дѣла, въ ожиданіи какого-нибудь переворота; они приняли проповѣдь Товянскаго главнымъ образомъ потому, что въ устахъ Мицкевича она обѣщала имъ близкій конецъ ихъ страданій и независимость родины; поэтъ же, долгое время сторонившійся отъ всѣхъ политическихъ партій, считался человѣкомъ осторожнымъ. Многіе изъ нихъ даже до такой степени увѣровали въ возможность скораго возврата на родину, что распродали все свое имущество и переселились въ гостиницы. Не мудрено, что среди этихъ людей и увлеченіе новымъ ученіемъ, которое уже само въ себѣ заключало много суевѣрія, приняло довольно грубыя формы. Нѣкоторые изъ нихъ, правда, мало интересовались мистической стороною ученія, но другіе увѣровали и въ нее—и видѣнія, чудесные сны, таинственныя пророчества, никогда впрочемъ не оправдывавшіяся, сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ ихъ средѣ. Самъ Мицкевичъ, все глубже уходя въ мистицизмъ, разсказывалъ о снахъ и видѣніяхъ, посѣщающихъ его, передавалъ, какъ онъ видѣлъ окружающихъ его злыхъ духовъ и, казалось, вполнѣ выполнялъ требованіе Товянскаго—отречься отъ земного разума и рѣшиться на „оглупѣніе ради Христа“.

Въ то же время онъ рѣшился воспользоваться всѣми средствами, какими могъ располагать, для публич-

ЭР02298

ной пропаганды ученія. Такими средствами являлись у него каѳедра въ Collége de France и мѣсто предсѣдателя, которое онъ занималъ въ существовавшемъ тогда въ Парижѣ польскомъ Историко-литературномъ обществѣ. И въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ поэтъ началъ проповѣдывать идеи Товянскаго, причемъ однако на каѳедрѣ онъ былъ осторожнѣе. Лекціи его измѣнили свой характеръ,—изъ очерка исторіи славянскихъ литературъ онѣ мало-по-малу обращались въ чтенія, посвященныя исключительно вопросамъ общественнымъ и религіознымъ, для которыхъ литература служила только предлогомъ и прикрытіемъ, но характера прямой проповѣди еще не принимали. Профессоръ указывалъ на значеніе Славянства среди европейскихъ народовъ, какъ племени, призваннаго развить далѣе идеи христіанства, причемъ это призваніе главнымъ образомъ выпадало на долю Польши, которая въ теченіе всей своей исторіи служила, по его словамъ, воплощеніемъ христіанскихъ началъ и пала потому, что эти начала не могли быть примирены съ окружавшими ее земными порядками. Съ этой точки зрѣнія онъ разсматривалъ и литературу и исторію Польши, находя въ нихъ единственно истинное выраженіе христіанства, подобно тому, какъ наши славянофилы находили его въ исторіи русскаго народа. Мицкевичъ противопоставлялъ Россію Польшѣ, видя въ первой олицетвореніе холоднаго земного разума, стремящагося къ мірскимъ цѣлямъ и достигающаго ихъ благодаря строгому разсчету своихъ силъ, тогда какъ во второй онъ усматривалъ только горячую вѣру, дающую возможность совершать великія дѣла съ самыми ничтожными средствами, и готовность на самопожертвованіе во имя великихъ идей.

Исторія вообще представляетъ изъ себя такой богатый арсеналъ фактовъ, въ которомъ можно набрать ихъ въ подтвержденіе самыхъ неожиданныхъ обобщеній, если только не обращать вниманія на

ЭР02298

факты противоположные и не обладать стремленіемъ къ безпристрастной истинѣ. Но у Мицкевича въ это время истина уже была готовая, данная ему не наукой, а вдохновеніемъ, которое ему казалось божественнымъ, и поэтому онъ бралъ только такіе факты, какіе подходили подъ его взгляды. За этимъ историческимъ положеніемъ была у него еще и другая цѣль, по отношенію къ которой оно являлось только средствомъ,—желаніе пробудить въ своихъ слушателяхъ довѣріе къ безграничному энтузіазму и унизить передъ ними раціонализмъ, являвшійся самымъ главнымъ врагомъ новаго мистическаго ученія. Въ лекціяхъ этихъ проскальзывали и намеки на послѣднее, на ожидаемый умственный переворотъ, указывалось даже значеніе Наполеона, какъ человѣка, подготовившаго къ нему міръ; но втеченіе всего 1841—42 академическаго года профессоръ еще не рѣшался выступить окончательно въ роли проповѣдника. Лишь съ началомъ слѣдующаго года лекцій онъ, съ согласія Товянскаго, получившаго между тѣмъ отъ французскаго правительства приказаніе выѣхать изъ Франціи и переѣхавшаго въ Бельгію, сталъ говорить болѣе рѣшительно.

Теперь литература и ея представители совсѣмъ отступили въ его лекціяхъ на задній планъ, а первое мѣсто заняли нападенія на матеріалистическое направленіе вѣка, на несовершенства общественнаго строя и указаніе началъ, долженствующихъ устранить ихъ своимъ проникновеніемъ въ жизнь. Проповѣдь товянизма дѣлалась все рѣзче и откровеннѣе и вела Мицкевича къ разрыву съ тою католическою церковью, въ которой онъ еще недавно видѣлъ единственный путь къ спасенію. Польскіе ксендзы усмотрѣли въ ученіи Товянскаго ересь и сперва пытались подѣйствовать на Мицкевича увѣщаніями, а затѣмъ, когда это не удалось, стали нападать на товянизмъ и въ церковныхъ проповѣдяхъ, и въ печати. Поэтъ, глубоко убѣжденный въ истинѣ провозглашаемаго имъ ученія, не испугался обвиненія въ ереси и

ЭР02298

отвѣчалъ на него упреками въ бездѣйствіи, холодности къ дѣйствительнымъ нуждамъ человѣчества и лицемѣріи со стороны представителей оффиціальной церкви. „Когда народъ, писалъ онъ въ частномъ письмѣ, движется въ гробу, потому что высшій духъ отваливаетъ камень, вы спрашиваете у этого духа, имѣетъ ли онъ патентъ на званіе механика и форменное разрѣшеніе входа на кладбище“. И въ лекціяхъ своихъ онъ началъ рѣзко и страстно обвинять оффиціальную церковь въ томъ, что она не заботится о дѣйствительномъ проведеніи въ жизнь христіанскихъ началъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжая въ теченіе этого и слѣдующаго года изложеніе своихъ религіозныхъ и общественныхъ взглядовъ, онъ указывалъ идеалъ жизни въ бытѣ славянскихъ народовъ, гдѣ сохранилось и свѣжее религіозное чувство, и глубокое сознаніе необходимости бо́льшей правды въ экономическомъ строѣ, причемъ послѣднее онъ усматривалъ въ существованіи общиннаго землевладѣнія. Наконецъ, достаточно уже, какъ ему казалось, подготовивъ умы слушателей къ воспринятію новаго ученія, онъ на одной изъ мартовскихъ лекцій 1844 года заявилъ, что представитель и виновникъ новой эпохи въ жизни человѣчества появился уже на землѣ, и пригласилъ слушателей засвидѣтельствовать, что они знаютъ его. Присутствовавшіе товянчики отвѣчали восклицаніями—и такъ состоялось публичное „провозглашеніе учителя и дѣла“.

Съ этого времени Мицкевичъ уже вполнѣ посвятилъ свои лекціи открытой проповѣди товянизма, которой однако не суждено было долго продолжаться. Когда профессоръ началъ приглашать съ каѳедры своихъ слушателей къ духовному общенію съ духомъ Наполена и раздавать портретъ послѣдняго, министръ просвѣщенія Вилльменъ просилъ его отказаться отъ подобныхъ манифестацій и, послѣ отказа его, предложилъ ему подать просьбу объ отставкѣ или, по крайней мѣрѣ, о продолжительномъ отпускѣ. Мицъ-

ЭР02298

кевичъ выбралъ послѣднее,—ему былъ данъ шестимѣсячный отпускъ, а замѣстителемъ его на каѳедрѣ назначенъ былъ французскій литераторъ, Кипріанъ Робертъ. Еще ранѣе поэтъ долженъ былъ отказаться отъ мѣста предсѣдателя Историко-Литературнаго общества, такъ какъ члены послѣдняго находили неумѣстною его дѣятельность по распространенію товянизма.

ДВГНБ

ЭР02298

VI.

Послѣдніе годы.

Внутренніе раздоры въ сектѣ товянчиковъ. — Планъ Мицкевича привлечь на сторону товянизма императора Николая I. — Разрывъ Мицкевича съ его „учителемъ“. — Революція 1848 г. и несбывшіяся надежды поэта-мистика. — „Развалина“. — Недостатокъ матеріальныхъ средствъ. — Смерть жены. — Организація польскихъ легіоновъ въ Турціи. — Кончина поэта въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ Мицкевичъ увидалъ теперь закрытыми для себя тѣ пути, которыми онъ думалъ воспользоваться для пропаганды идей „учителя“ и въ то же время видѣлъ, что пропаганда эта не принесла особенно осязательныхъ плодовъ. Дѣйствительно, число товянчиковъ, какъ ихъ называли, не превышало и теперь нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, а единственною крупною личностью среди новообращенныхъ былъ другой польскій поэтъ, Словацкій, искавшій въ мистицизмѣ примиренія съ неудачною жизнью. Между тѣмъ на личной жизни Мицкевича увлеченіе его товянизмомъ отозвалось самымъ печальнымъ образомъ: ему не только пришлось выносить нападеніе со стороны католическаго духовенства за свои еретическія идеи, но послѣднія произвели разрывъ даже между нимъ и ближайшими его друзьями. Онъ испытывалъ теперь чувство нравственнаго одиночества среди людей, чуждыхъ ему по своему развитію и стоявшихъ значительно ниже

ЭР02298

его въ умственномъ отношеніи, людей, съ которыми связывало его только одно мистическое ученіе. Правда, это послѣднее въ минуты восторженнаго энтузіазма вознаграждало его за всѣ вынесенныя страданія, но такія минуты приходили теперь все рѣже, такъ какъ неудача послѣдняго времени, отнявши способы къ продолженію пропаганды въ широкихъ размѣрахъ, вынудили Мицкевича ограничить свою дѣятельность тѣснымъ кружкомъ товянчиковъ. Въ самомъ этомъ кружкѣ или „колѣ“ начался тѣмъ временемъ раздоръ: тѣ изъ эмигрантовъ, которые были увлечены въ секту не мистической собственно стороною ученія, а тѣми обѣщаніями скораго политическаго переворота, какія щедро сыпались Товянскимъ и вслѣдъ за нимъ съ полною вѣрою повторялись Мицкевичемъ, увидѣли теперь, что ихъ ожиданія не сбылись, и чѣмъ пламеннѣе и нетерпѣливѣе были ихъ надежды, тѣмъ съ большимъ негодованіемъ относились они теперь къ Товянскому и Мицкевичу, какъ обманщикамъ и шарлатанамъ. Вѣра поэта не была поколеблена долгимъ напраснымъ ожиданіемъ, но онъ не могъ не чувствовать на себѣ отвѣтственности за людей, привлеченныхъ имъ къ „дѣлу“ и пострадавшихъ благодаря довѣрію къ нему, а это еще болѣе ухудшало и безъ того уже мрачное его настроеніе.

Ко всему этому присоединилось и то обстоятельство, что среди товянчиковъ, оставшихся вѣрными ученію, также нашлись лица, недовольные поэтомъ и видѣвшіе въ его неудачныхъ дѣйствіяхъ причину незначительныхъ успѣховъ пропаганды; самъ „учитель“, послѣ того, какъ надежды, возлагавшіяся имъ на Мицкевича, оправдались далеко не въ полной мѣрѣ, выражалъ неудовольствіе на него, несмотря на то, что въ Мицкевичѣ онъ нашелъ человѣка, не только всею душой предавшагося его идеямъ, но и ему лично оказывавшаго значительныя услуги и не разъ помогавшаго

ЭР02298

ему матеріально, хотя средства поэта въ то время были также далеко не блестящи. Въ средѣ сектантовъ готовилось несогласіе, которому нуженъ былъ лишь удобный случай, чтобы выступить явно.

Случай этотъ представился въ тѣхъ новыхъ попыткахъ, которыя сдѣланы были Мицкевичемъ для пропаганды ученія. Онъ старался сперва склонить къ признанію товянизма лицо, наиболѣе выдававшеесясреди тогдашней польской эмиграціи, кн. Чарторижскаго, но потерпѣвъ въ этомъ рѣшительную неудачу, направилъ свои усилія въ другую сторону, именно на банкира Ротшильда. Среди товянчиковъ было уже нѣсколько евреевъ и имъ поручено было постараться привлечь къ дѣлу знаменитаго банкира и убѣдить его обратить свои капиталы на службу св. дѣлу; нѣкоторое время Мицкевичъ и его единомышленники льстили даже себя надеждою на успѣхъ этой миссіи, но вскорѣ ихъ иллюзіи распались, такъ какъ и Ротшильдъ не обнаружилъ желанія примкнуть къ нимъ. Тогда среди нихъ зародилась новая мысль, принадлежавшая самому „учителю“,— обратиться съ письмомъ къ императору Николаю, изложить ему взгляды Товянскаго на назначеніе Славянства и предложить провести ихъ въ жизнь, за что ему обѣщалась великая будущность и любовь подданныхъ. Убѣждая товарищей въ необходимости этого шага, Мицкевичъ доказалъ, что „прежнимъ духомъ ненависти“ нельзя подѣйствовать на Россію, что нужно измѣнить тактику по отношенію къ ней, проникнуться братской любовью къ русскимъ; но увѣщанія не подѣйствовали, и планъ этотъ вызвалъ въ средѣ товянчиковъ расколъ. Часть ихъ, со Словацкимъ во главѣ, отдѣлилась отъ главнаго кружка и составила самостоятельное цѣлое.

Въ свою очередь Товянскій, приписывая Мицкевичу вину новыхъ неудачъ, рѣшилъ, не отнимая у него главнаго руководительства кружкомъ, поставить однако рядомъ съ нимъ, какъ бы для приданія большей энергіи, дру-

ЭР02298

гое лицо. Этимъ послѣднимъ былъ Карлъ Ружицкій, получившій отъ Товянскаго титулъ „Вождя Земли“, тогда какъ за Мицкевичемъ сохранено было еще раньше данное ему названіе „Вождя Слова“. Это новое назначеніе нимало не подвинуло впередъ дѣла пропаганды и только усилило существовавшіе уже раздоры, въ которыхъ все яснѣе стала сказываться неодинаковость настроенія различныхъ группъ товянчиковъ. Тогда какъ самъ „учитель“, видя, что осуществленіе обѣихъ цѣлей, которыя были заложены первоначально въ его ученіи (достиженія нравственнаго совершенства посредствомъ мистическихъ упражненій и переустройства общественнаго и политическаго порядка) не дается съ разу, остановился, какъ человѣкъ, по природѣ болѣе склонный къ созерцанію, чѣмъ къ дѣйствію, только на первой изъ нихъ и сталъ даже прямо отвергать вторую,—для Мицкевича наоборотъ она-то и имѣла первенствующее значеніе. Мистическія упражненія имѣли для него цѣну главнымъ образомъ по стольку, по скольку онъ вѣрилъ, что они приближаютъ его къ этой важнѣйшей цѣли; сами же по себѣ взятыя они уже тяготили его.

Разладъ между двумя главарями секты становился все замѣтнѣе и наконецъ съ полною силою выразился въ письмѣ Мицкевича къ Товянскому отъ 12 мая 1847 года. Письмо это чрезвычайно характерно; какъ потому, что рисуетъ внутреннія отношенія общины товянчиковъ, такъ и потому, что въ немъ проявляется взглядъ самого Мицкевича на эти отношенія, когда онъ нашелъ время и возможность взглянуть на нихъ критически.

„Мы—писалъ онъ—трепетъ душъ выставляли на видъ, какъ украшеніе нашей праздности; мы передавали этотъ трепетъ одинъ другому какъ бы какой-нибудь мертвый инвентарь, перегоняемый изъ однѣхъ рукъ въ другія. Мы приказывали братьямъ радоваться или страдать, любить или ненавидѣть, часто сами не имѣя въ себѣ того чувства горести или радости, къ которому

ЭР02298

призывали. Множество приказывающихъ умножало призывы, часто противорѣчивые, а на каждый приказывалось отвѣчать. Мы, призывающіе, сами чувствуя недостатокъ вѣры, пустоту и мученія, не въ состояніи будучи вынести одиночества, которое, ставя насъ наединѣ съ самими собою, показывало намъ наше ничтожество, нападали на братьевъ, причиняли имъ страданія, чтобы трагически развлекаться видомъ ихъ мученій. Дошло до того, что призывающіе стали похожи на слабѣющихъ тирановъ, которые находятъ тепло только въ кровавой ваннѣ. Ванну брали изъ братняго духа! Чѣмъ менѣе чувствовали мы въ себѣ свободы, силы и жизни, тѣмъ сильнѣе кричали о жизни. Мы устраивали жизнь искусственную: приказывали братьямъ дѣлать упражненія, часто несогласныя съ ихъ внутреннимъ состояніемъ, отнимали у братьевъ даже послѣднюю свободу, уважаемую всякими тираніями, свободу молчанія... Такъ какъ Богъ не давалъ намъ такой милости, чтобы одинъ нашъ духъ, одно лицо наше призывало ближнихъ къ соединенію, къ поднятію духа, и заставляло уважать насъ, то мы хотѣли нашъ физическій недостатокъ замѣнить гнѣвомъ и крикомъ, а кого не могли испугать, того за глаза оглашали измѣнникомъ и бунтовщикомъ. Всякій, кто въ чемъ-либо и когда-либо не соглашался съ нами, или скорѣе не былъ нашимъ эхомъ, объявлялся бунтовщикомъ. Мы вводили самую печальную, какая только есть на землѣ, власть, какую въ нашей странѣ имѣютъ экономки, экономы, дворовые и гостипаничи надъ хлопами, власть самую печальную, такъ какъ она знаетъ только доносы и наказанія, такъ какъ тамъ нѣтъ жалобы и защиты, выслушиванія суда и приговора, власть, которую Провидѣніе устраняетъ уже и изъ славянскихъ земель“...

Послѣ этого письма прежнія дружескія отношенія Мицкевича съ Товянскимъ порвались, такъ какъ учитель не могъ простить этихъ горькихъ упрековъ своего

ЭР02298

прежде такого покорнаго ученика. Не отступаясь отъ товянизма, Мицкевичъ служилъ однако теперь ему, какъ самъ понималъ его, выдвигая на первый планъ политическое и общественное преобразованіе жизни народовъ; Товянскій же жилъ въ Швейцаріи, замкнувшись почти въ уединеніи, всецѣло предаваясь мистическому созерцанію и изрѣдка пытаясь обратить кого-либо въ свою секту. Даже переписка между ними на время прервалась и хотя позднѣе она опять возобновилась, но не привела съ собою прежней близости. Тѣмъ временемъ наступалъ 1848 годъ, такой богатый событіями и возбудившій столько надеждъ во всѣхъ, кто, не довольствуясь старыми порядками, стремился къ ихъ реформѣ. При первомъ же извѣстіи о движеніи въ Италіи и о либеральныхъ преобразованіяхъ новаго папы, Пія IX-го, Мицкевичъ поспѣшилъ въ Римъ. Онъ разсчитывалъ убѣдить папу признать ученіе Товянскаго и встать во главѣ обще-европейскаго движенія, которое должно было провести это ученіе въ жизнь. Такой планъ тѣмъ болѣе улыбался поэту, что онъ и теперь не хотѣлъ разрывать связи съ католическою церковью и свои нападенія на нее понималъ лишь какъ необходимое указаніе того ложнаго пути, на который вступили нѣкоторые отдѣльные ея члены. Но и въ Римѣ значительная часть духовенства смотрѣла на него, какъ на еретика, а самъ папа былъ слишкомъ остороженъ, чтобы увлечься его широкими планами соціальной и политической реформы. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ отношеніи, Мицкевичъ схватился за другую мысль— образовать изъ польскихъ эмигрантовъ легіоны, которые примкнули бы къ итальянцамъ въ готовившейся борьбѣ съ Австріей. Въ Римѣ, съ помощью одного богатаго аристократа Браницкаго, онъ собралъ нѣсколько охотниковъ и довелъ ихъ до Милана. Здѣсь удалось организовать болѣе значительный польскій отрядъ, вступившій на службу къ Карлу Альберту, а

ЭР02298

самъ Мицкевичъ отправился обратно въ Парижъ, чтобы продолжать дѣло набора, но, прежде чѣмъ новые охотники могли прибыть къ Карлу Альберту, послѣдній уже вынужденъ былъ заключить перемиріе съ Австріей; такимъ образомъ и эта надежда—доставить польской эмиграціи дѣятельную роль въ европейскихъ событіяхъ и съ помощью ея провести свои излюбленныя идеи—обманула Мицкевича.

Новое поприще для дѣятельности открыла ему февральская революція въ Парижѣ. Когда президентомъ республики сдѣлался Людовикъ Наполеонъ, поэтъ ждалъ отъ него, что онъ явится воплотителемъ наполеоновской идеи, какъ понимали ее товянчики, и надѣялся непосредственно дѣйствовать на него въ духѣ своего ученія. Надежды эти поддерживались и личнымъ знакомствомъ съ нѣкоторыми изъ членовъ семьи президента, но вскорѣ Мицкевичу пришлось увидѣть, что Наполеонъ вовсе не думаетъ объ обращеніи къ Товянскому и его послѣдователямъ за совѣтами въ дѣлѣ государственнаго управленія. Тогда поэтъ рѣшился на проповѣдь своихъ идей болѣе широкой массѣ и съ этой цѣлью, опять при помощи Браницкаго, основалъ въ Парижѣ газету подъ названіемъ „Трибуна народовъ“ (La tribune des peuples). Газета эта, въ которой религіозно-мистическія идеи мѣшались съ проповѣдью народнаго суверенитѣта и соціализма, не пріобрѣла ни вліянія, ни значительнаго числа подписчиковъ и, просуществовавъ едва съ полгода, была закрыта.

Такъ мало-по-малу рушились всѣ надежды Мицкевича на скорое осуществленіе въ жизни идей Товянскаго и исчезла для него всякая возможность работать для ихъ распространенія на поприщѣ общественной жизни. Теперь онъ снова, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, при первомъ своемъ поселеніи въ Парижѣ, замкнулся въ семьѣ и маленькомъ кружкѣ знакомыхъ, но на этотъ разъ такимъ кружкомъ служили для него

ЭР02298

исключительно товянчики. Испытанныя неудачи не разрушили вѣры Мицкевича въ это ученіе и только заставили его еще болѣе уйти въ мистицизмъ, сдѣлаться настоящимъ фанатикомъ своей идеи. Тотъ человѣкъ, который нѣкогда поражалъ знакомившихся съ нимъ обширностью своихъ знаній, своимъ яснымъ взглядомъ на вещи и широкими обобщеніями, теперь производилъ совершенно обратное впечатлѣніе.

Заимствуемъ у польскаго біографа Мицкевича, Хмѣлевскаго, описаніе посѣщенія Мицкевича однимъ изъ его земляковъ, составленное въ 1849 г. и ярко рисующее это впечатлѣніе: „Чрезъ узкую и тѣсную кухню и длинную комнатку, заваленную постелями старшихъ и младшихъ, входишь въ нѣсколько большую гостиную, которая почти никогда не бываетъ пуста. Всегда можно застать въ ней нѣсколько собравшихся мужчинъ. Старые и молодые, съ сильно закоптѣвшими лицами, неизвѣстно почему оставшимися такими въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, съ длинными усами и густыми бородами, стоятъ по сторонамъ съ выраженіемъ глубокаго смиренія и уваженія. Эти грубыя лица и скромно опущенные глаза, вмѣстѣ взятые, представляютъ что-то монастырское, какъ будто смотришь на тѣхъ нашихъ старыхъ монаховъ, которые, часто навоевавшись въ теченіе полу-жизни, мѣняли оружіе на молитвенникъ, но не могли однако выраженіемъ монашескаго послушанія маскировать свои марсовыя обличія. Всѣ гости этой гостиной смотрятъ и слушаютъ, какъ пророка, человѣка, который быстрыми и неровными шагами бѣгаетъ по комнатѣ, держитъ въ зубахъ короткую трубку и, пуская изъ нея клубы дыма, все время говоритъ рѣзкимъ голосомъ. Если онъ сядетъ на минуту, садятся и слушающіе гости; когда онъ встанетъ, и они встаютъ... Одни изъ его товарищей называютъ его отцомъ Адамомъ, другіе—братомъ Адамомъ. Первые цѣлуютъ ему руку, вторые—плечо. Почему, на-

ЭР02298

прасно спрашивать; ни онъ, ни его товарищи ничего не отвѣтятъ, сведутъ рѣчь на другой предметъ и наконецъ разсердятся. Вновь прибывшій смотритъ въ лицо говорящаго... развалина! Голова статуи на худомъ и небольшомъ тѣлѣ, съ зачесанными назадъ волосами, въ которыхъ уже сильно проглядываетъ сѣдина. Но эти неправильныя морщинки, измѣняющіяся почти каждую минуту, искривленіе рта, пріобрѣтенное благодаря частому говоренію, неувѣренный взглядъ глазъ, какъ будто время стерло ихъ прежній цвѣтъ,—все это вмѣстѣ невольно пробуждаетъ мысль о разбитой статуѣ, искалѣченной капризной рукой случая, разрушительнымъ зубомъ времени... Онъ слушаетъ говорящаго... увы! развалина... Сожалѣніе стѣсняетъ сердце, слезы наполняютъ глаза... Когда посѣщаетъ его кто-нибудь вновь пріѣхавшій съ родины, весь разговоръ его состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ частей: изъ безплодныхъ вопросовъ и еще болѣе безплодныхъ жалобъ. Вопросы могли бы только доказывать любопытство человѣка, стосковавшагося по родинѣ, котораго занимаетъ все родное. Но есть вопросы и вопросы! Онъ въ своихъ вопросахъ никогда почти не касается стороны интеллектуальной, но скорѣе постоянно вертится около стороны пластической. Невольно можетъ прійти на мысль, что это спрашиваетъ не поэтъ, не ученый профессоръ, не вдохновенный историкъ, но жанровый живописецъ, нуждающійся въ пополненіи своихъ свѣдѣній о костюмахъ. И это не потому, чтобы интеллектуальная сторона не интересовала его, но потому, что по его мнѣнію вся интеллектуальная сторона всего народа въ конецъ испорчена, и это не только на родинѣ, но и у нихъ самихъ, въ эмиграціи. Отсюда безконечныя жалобы, высказывающіяся разными словами и различными голосами, но своею монотонностью напоминающія причитанія старыхъ женщинъ, жалобы на вѣтренность, легкомысліе, недостатокъ обдуманности, опро-

ЭР02298

метчивость, непостоянство... Считая все такимъ плохимъ и испорченнымъ, онъ никогда ни однимъ словомъ не коснется способа помочь злу. Настойчиво допрашиваемый объ этомъ, онъ посмотритъ только повременамъ, и то украдкой, на своихъ окружающихъ и на одну картину, висящую между окнами (портретъ Наполеона). Это таинственное „коло", въ которомъ вращаются его мысли"...

Семейная жизнь также не была особенно радостной для поэта: средства его были крайне невелики, такъ какъ, хотя онъ и считался еще номинально профессоромъ Collége de France, но получалъ не все жалованье, а лишь 3000 франковъ, остальныя же двѣ тысячи шли его замѣстителю. Приходилось искать какой-либо работы ради хлѣба и поиски часто были неудачны. Такъ, одинъ книгопродавецъ заказалъ было ему популярную исторію Польши на французскомъ языкѣ, но потомъ отказался отъ представленной работы, найдя ее слишкомъ большою. Положеніе грозило еще ухудшиться, когда въ 1852 году, уже послѣ государственнаго переворота, французское правительство окончательно лишило его каѳедры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жалованья. Мицкевичъ подалъ просьбу министру народнаго просвѣщенія, указывая, что причиной прекращенія его лекцій было ничто иное, какъ предсказаніе возвращенія Бонапартовъ къ власти во Франціи, и добился нѣкотораго результата. Каѳедры ему, положимъ, не возвратили, но дали мѣсто библіотекаря въ арсеналѣ, съ жалованьемъ въ 2000 франковъ и квартирой. Пришлось довольствоваться однако и этимъ, и Мицкевичъ занялъ свое новое мѣсто, на которомъ оставался вплоть до 1855 года. Въ этомъ году умерла его жена, и частью для того, чтобы разсѣять скорбь отъ этой потери, частью надѣясь принести пользу своимъ землякамъ, Мицкевичъ схватился за мысль организаціи польскихъ легіоновъ въ Турціи. Ему казалось, что на-

ЭР02298

ступило опять время для дѣятельности, и Товянскій, съ которымъ онъ возобновилъ еще въ 1853 г. прерванную было передъ этимъ переписку, укрѣплялъ его въ этомъ мнѣніи. Итакъ, выхлопотавъ себѣ у французскаго правительства порученіе, касавшееся образованія польскихъ легіоновъ, онъ отправился въ Константинополь. Недолго однако ему пришлось пробыть въ этомъ городѣ: проживъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ, причемъ все это время было посвящено имъ на хлопоты по устройству польскихъ легіоновъ, онъ опасно заболѣлъ и 28 ноября 1855 года скончался, почти 58 лѣтъ отъ роду. Тѣло его было перевезено въ Парижъ и похоронено на кладбищѣ Монморанси; лишь въ 1890 году оно было перенесено на польскую почву—въ Краковъ.

Такъ закончилась эта жизнь великаго поэта, заключавшая въ себѣ немало страннаго и еще болѣе мрачнаго, жизнь, въ теченіе которой на его долю выпало гораздо болѣе горя и разочарованія, чѣмъ радостей. Его увлеченіе мистицизмомъ, вытекавшее какъ изъ личныхъ особенностей его натуры, такъ и изо всей общественной обстановки, въ которой онъ выросъ и дѣйствовалъ, наложило мрачную тѣнь на всю вторую половину его жизни, особенно тяжелую и страдальческую очевидно для него самого. Съ мистическимъ направленіемъ у него связывались однако широкіе общественные идеалы. Невозможность примиренія этихъ началъ теперь очевидна сама собою; она ясно сказалась между прочимъ и въ судьбѣ самого польскаго поэта и проповѣдывавшагося имъ ученія, вмѣстѣ съ нимъ сошедшаго въ могилу. Но, зная это, мы должны для правильной оцѣнки этого увлеченія, помимо всѣхъ личныхъ обстоятельствъ жизни Мицкевича, помнить и то, что мысль о разрѣшеніи всѣхъ запросовъ, представляющихся жизнью человѣчества, путемъ нравственно-религіознаго экстаза, переходящага въ мистицизмъ, издавна имѣла широкое распространеніе и почти на нашихъ глазахъ обольщала весьма сильные умы. Какъ

ЭР02298

бы то ни было, эти личныя заблужденія Мицкевича исчезли безслѣдно, но живетъ другая сторона его дѣятельности, равнымъ образомъ неразрывно связанная съ его личностью, его поэзія, впервые давшая польской литературѣ обще-европейское значеніе.

КОНЕЦЪ.

ДВГНБ

ЭР02298

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

изданныя Ф. Павленковымъ

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

1) Полное собраніе всѣхъ сочиненій **въ одномъ томѣ**, съ портретомъ Пушкина, гравирован. В. Матэ, и съ біограф. очеркомъ, составлен. А. Скабичевскимъ, 2-е изд. . . . . **1 р. 50 к.**
2) Тоже однотомное изданіе, **но иллюстрированное** 44 гравюрами, 2-е изданіе . . . . . **2 „ 50 „**
3) Полное собраніе въ **10 книжкахъ** (съ портр. и біогр.). **1 „ 50 „**
4) Полное собраніе стихотвореній и беллетристическихъ произведеній въ прозѣ, съ портр. и біографіей (въ одномъ томѣ, 2-е изд. . . . . **1 „ 25 „**
5) **Стихотворенія Пушкина.** Полное собраніе съ портр. и біогр. **1 „ — „**
6) Большой альбомъ въ „Сочин. Пушкина“ (портретъ и 44 иллюстраціи съ подписями). Въ красивой папкѣ **1 „ 50 „**
7) Малый альбомъ въ „Соч. Пушкина“. Тѣ-же иллюстраціи, но меньшаго формата и рѣзанныя на деревѣ лучшими граверами. Цѣна въ каленкоров. переплетѣ. **1 „ 25 „**

Желающіе имѣть „Сочиненія Пушкина“ на лучшей глазированной бумагѣ прибавляютъ къ цѣнамъ изданій № 1 и 2-й по 50 к. За переплеты однотомнаго изданія (кто желаетъ) прибавляется: за покрытые шагреневой бумагой—**40 коп.**; за покрытый французскимъ каленкоромъ съ золотымъ тисненіемъ—**1 руб.**; за 5 шагренев. переплетовъ 10-томнаго изданія—**1 р.** За **5 роскошныхъ** переплет.—**2 р.**

Вотъ планъ 10-томнаго изданія „Сочиненій Пушкина“, издан. Ф. Павленковымъ. Первые четыре тома посвящены стихотвореніямъ, слѣдующіе четыре—прозѣ, и наконецъ послѣдніе два—перепискѣ поэта и его біографіи:

Томъ I. Поэмы и сказки.—**Томъ II.** Баллады и легенды. Романъ: „Евгеній Онѣгинъ“.—**Томъ III.** Повѣсти. Драматич. произведенія. Лирич. стихотворенія (оды, элегіи, сатиры и эпиграммы).—**Томъ IV.** Лирич. стихотворенія (антологія, описанія, идиліи, пѣсни, думы, альбомныя стихотворенія и посланія.—**Томъ V.** Романы и повѣсти.—**Томъ VI.** Романы и повѣсти. Отрывки неоконченныхъ повѣстей. Драматическіе этюды.—**Томъ VII.** Историческіе очерки (Исторія Пугачевскаго бунта и пр.). Автобіографическіе матеріалы и воспоминанія.—**Томъ VIII** Путешествіе въ Эрзерумъ. Журнальныя статьи. Мелочи.—**Томъ IX.** Біографія Пушкина. Письма Пушкина отъ 1816 до 1825 г.—**Томъ X.** Письма Пушкина отъ 1826 г. до 1837 г. Алфавитный указатель ко всѣмъ 10 томамъ.

Порядокъ произведеній Пушкина въ однотомномъ изданіи Ф. Павленкова тотъ-же, за исключеніемъ біограф. очерка, помѣщеннаго тамъ не въ концѣ, а въ началѣ.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный же складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА, Спб., Лештуковъ пер., д. 2.

ЭР02298

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА.

Соч. П. Мантегацца.

Переводъ съ 5-го итальянскаго изданія. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Что такое экстазъ. Классификаціе экстазовъ.—Экстазы дружбы и братской любви.—Экстазы материнской любви: Человѣческое дитя въ глазахъ всѣхъ и въ глазахъ матери. Материнская гордость. Отецъ и дочь. **Экстазы дѣтской любви.—Экстазы платонической любви:** Существованіе и отрицаніе этой любви. 30 опредѣленій этой любви. Психологическій анализъ этой формы любви. Великія привязанности. Ураганы любви. Аскетическая стыдливость. Видѣнія платонической любви. — **Религіозные экстазы:** Глубокая аналогія между религіознымъ экстазомъ и любовью. Благоговѣніе. Данте и св. Тереза. Уничтоженіе, жертвы, добровольное мученичество. Аскетическія видѣнія. Психическое вліяніе свѣта. Молитва, по опредѣленію богословъ и психологовъ. Почему молятся. Прелести молитвы. Окружающая среда при религіозномъ экстазѣ. Церковь, колокола и органъ. Религіозные экстазы графини ***.—**Экстазы любви къ отечеству:** Маска Мадзини. Отечество и религія, герои отечества и святые. Лучше шовинизмъ, чѣмъ недостатокъ любви къ отечеству. Герои исторіи и безвѣстные герои. Эпидемическіе экстазы. Лѣсные пожары и пожары въ сердцѣ народномъ. **Эстетическіе экстазы:** Различные эстетическіе вкусы и необходимыя условія экстаза. Энтузіазмъ. Какого человѣка я болѣе всего жалѣю. Экстазы, вызываемые произведеніями искусства. Какой экстазъ самый великій? **Экстазы, вызываемые природой:** Экстазы, вызываемые моремъ. Земля и море. Экстазы человѣка при созерцаніи неба. **Музыкальные экстазы:** Музыка, быть можетъ, величайшее изъ человѣческихъ творчествъ. Простой или акустическій музыкальный экстазъ и его замѣчательная экспансивная сила. Различные характеры музыкальнаго экстаза. **Экстазы мысли:** Стремленіе къ истинѣ. Постепенное развитіе этого стремленія отъ любопытства до религіи и до экстаза. Очарованія, вызываемыя лабораторіей. Математическій экстазъ. Экстазъ въ библіотекѣ. **Экстазы фантазіи:** Бездны глубины и вышины. Ничтожное и громадное въ фантастическихъ полетахъ. Искусственные и самопроизвольные экстазы фантазіи. Возможное и будущее. **Экстазы краснорѣчія:** Разница между писаннымъ и устнымъ словомъ. Всемогущество слова и его причины. Ораторъ и его слушатели. Экстазы обоихъ. Орфей. **Экстазы борьбы и могущества:** Очарованія Кавура, Гарибальди, Мольтке и Бисмарка. Сложная и неопредѣлимая природа этихъ экстазовъ. Два слова о психологіи воли. Локомотивы и геніи дѣла. Кратковременность и интенсивность этихъ экстазовъ. **Экстазы творчества:** Моисей и Дарвинъ. Создатель и его созданіе. Различные роды творчества. „А все-таки движется“. Какой экстазъ самый возвышенный? Какая вершина самая выдающаяся на Гималаяхъ мысли? Природа и творчество. Заключеніе.

ЭР02298

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рисун. Ц. 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена, профессора Лозан. университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Рень яра. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона. Съ франц. 100 р. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Реньё. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ, В. Чиколева, съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА В. Чиколева. Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 р. Ц. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ. Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ"). Со многими рисунками. 2 тома, Цѣна за оба 2 руб.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейера и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвосона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. П. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, с 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. И. Жуковскаго. Съ 73-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Тиссандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Д. Селоменса. Перев. съ англійск. Д. Головъ. Со многг. рисун. Ц. 1 р.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмединген а. Ц. 60 к.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ французск. М. Энгельгардта. Со многими рисун. Ц. 1 р.

ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній, животныхъ и человѣка. Ц. 60 к.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 11 Декабря 1890 г.

Типографія и хромолитографія А. Траншель, Стремянная, № 12.

ЭР02298

Учебныя руководства и пособія.

КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. И. Рыкачева. Съ 197 рисун. Ц. 1 р. 50 к.
ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ. А. Заблоцкаго. Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.
КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГІИ И КЛИМАТОЛОГІИ. Профес. Лѣснаго Институт. Д. Лачинова. Съ 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.
ОСНОВАНІЯ ХИМІИ. ТЕХНОЛОГІИ. В. Селезнева. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. Гано. Переводъ Ф. Павленкова и В. Черкасова. 7-е изд. Ц. 4 руб.
ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. А. Гано. Перев Ф. Павленкова. Съ 604 рис. Ц. 2 р.
КРАТКАЯ ФИЗИКА. М. Герасимова. Съ 335 рисун. и 214 задачами. Ц. 1 р.
ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ. Н. Вальберха и Ф. Павленкова. Съ 50 рис. Ц. 40 к.
УЧЕБНИКЪ ХИМІИ. А. Альмединген. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ. В. Потоцкаго. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.
ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ. Бурдонъ Сандерсона. Переводъ д-ра Фридберга Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ частяхъ со многими рисунками. Цѣна въ одной книгѣ 5 р.
СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. Лубенца. 7-е изданіе. Ц. 40 к. Тотъ же „Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.
САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. Т. Лубенца. Ц. 15 к.
УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для город. училищъ. И. Плетенева. Съ рис. Ц. 30 к.
МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. С. Житкова. 3-е изд. Ц. 75 к.
СБОРНИКЪ АРИѲМ. ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". С. Житкова. Ц. 40 к.
СБОРНИКЪ САМОСТОЯТ. УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИѲМЕТИКѢ. Задачникъ для учениковъ. С. Житкова. 2-е изд. Ц. 25 к.
ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. А. Кузнецова. изд 2-е. Ц. 1 р.
НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. Съ 800 рис. 10-е изд. Ц. 20 к.
ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ". Ф. Павленкова. 7-е изд. Ц. 15 к.
РОДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова, 7-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
АЗБУКА-КОПѢЙКА. Ф. Павленкова. 7-е изд., 12 стр. 100 рис. Цѣна 1 к.
НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. Ф. Павленкова. 1) „КЪ РОДНОМУ СЛОВУ" Ушинскаго (400 рис.). 2) „КЪ АЗБУКѢ БУНАКОВА" (460 рис.). 3) КЪ „ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКѢ" Шаульсона (430 рис.). 4) КЪ „РУССКОЙ АЗБУКѢ" Водовозова (470 рис.). 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.
НАШЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона П. А. Корфа 15-е изд. съ 200 рис. Ц. 75 к.
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. А. Тарнавскаго. Для низш. учебн. заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 125 рисунками. 4-е изд. Ц. 60 к.
НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА. Н. Бучинскаго. Ц. 30 к.
ЗЕРНЫШКО. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Т. Лубенца. 1-я книга Ц. 30 к. 2-я книга. Ц. 40 к.
РУКОВОДСТВО къ „ЗЕРНЫШКУ" Лубенца. Ц. 50 к.
ЦЕРКОВНО - СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. Т. Лубенца. 2-е изд. Ц. 5 к.
РУКОВОДСТВО КЪ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ". Т. Лубенца. Ц. 15 к.
КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ. А. Карюкова. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
РУССКОЕ СЛОВО. А. Павлова. Хрестоматія для гор. училищъ. Ц. 1 р.
РУКОВОДСТВО къ „РУС СЛОВУ". Ц. 60 к.
АЗБУКА ДОМОВОДСТВА и ДОМАШНЕЙ ГИГІЕНЫ. Сост. М. Клима. Ц. 75 к.
30 ПИСЬМЕН. РАБОТЪ. Задачи для упражненій въ письмѣ для 3-хъ отдѣленій начал. школы Н. Корфа. Ц. 15 к.
ПЕРВОНАЧ. ПРАВОПИСАНІЕ. Диктовки и грам. правила. Н. Корфа. Ц. 12 к.
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. М. Герасимова. Съ 96 рис. Ц. 50 к.
СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. М. Санницкаго. Ц. 40 к.
ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГІИ. Поля Бера. Переводъ подъ ред. проф. И. Мечникова. 345 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перел. 1 р. 50 к.
КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сѣязова. Съ 118 рис. Цѣна 50 к.
СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ. Разыграева. 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знак. препинанія. Ц. 35 к.
ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.
ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ. Григоровича. 5-е изд. 52 портрет. Ц. 2 р.
ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А. Колтановскаго. 279 рис. Ц. 75 к.
РИСОВАНІЕ АКВАРЕЛЬЮ. А. Касаня. Перев. съ франц. О. Кочетовой. 120 политип. и 6 акварел. Ц. 1 р. 50 к.
ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическіе совѣты Ф. Шубелера. Съ 130 рис. Ц. 60 к.
НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. Корнелія. 11-е изданіе, съ 10-ю раскрашен. карт и 82 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭР02298

Ip 20

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф.
біографическая библіотека подъ загл

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ

Въ составъ этой библіотеки войдутъ біогр
щихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Бетхове
Боккачіо, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Ви
Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гейне
стонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гумболдтъ
бергъ, Гюго, Дагерръ, Дантъ, Дарвинъ, Дека
Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальви
Кеплеръ, Колумбъ, Контъ, Конфуцій, Коперникъ, Р. Ко
Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лессепсъ, Лессингъ,
вингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Лютеръ, Магоме
Макіавелли, Мальтусъ, Меттернихъ, Микель-Анжело, М
льеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Морзе, Томасъ Мо
Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуенъ, Паскаль, Пасте
Песталоцци, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ротшильдъ, Рус
Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спизона, Стэн
Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Фра
цискъ, Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Шопе
гауеръ, Эдисонъ, Эразмъ и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Аввакумъ, Аксаковы, Арякчеевъ, Боткинъ, Бѣлинск
В. В. Верещагинъ, Волковъ (основатель русскаго театра
Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, Демидовы, Д
стоевскій, Зининъ, Каразинъ (основатель харьковскаго ун
верситета), Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крамско
Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасов
Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пирогов
Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Радищевъ, Салтыков
Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургенев
Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается
особая книжка, *заключающая въ себѣ отъ 80 до 100 стр*
ницъ текста и портретъ.

Цѣна каждой книжки—25 коп. *Все издан*
будетъ закончено втеченіи двухъ лѣтъ, т. е. въ 1893 год

...тахъ (совмѣстныхъ) подписокъ отправкахъ см. перечень въ концѣ номенклатуры.
) См. исключительные тарифы по отдѣльнымъ группамъ номенклатуры стр. 161.

ЭР02298